

Анастасия Вихарева
Дьявол и Город Крови 4:
Всей нечисти Нечисть...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Вихарева

**Дьявол и Город Крови
4: всей нечисти Нечисть**

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Вихарева А.

Дьявол и Город Крови 4: всей нечисти Нечисть / А. Вихарева —
«ЛитРес: Самиздат», 2010

Маньке и Борзеевичу приходится вернуться в горы, чтобы найти артефакты, с помощью которых можно расправиться с драконами. Но драконы и вампиры не собираются подставлять повстанцам грудь, чтобы те их осиновыми кольями протыкали. Понимая, что только там, где нет проклятой земли, можно достать проклятую и ее поделщиков, Их Величества и свита из вампиров решаются на отчаянную экспедицию, прихватив несколько тысяч боевых оборотней и обычных людей на закуску, которые не подозревают о своей предрешенной участи...Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Невеселые думы Его Величества	5
Глава 2. Царем быть нелегко...	13
Глава 3. Проклятая земля	26
Глава 4. У драконов тоже есть тайны	46
Глава 5. Спасение утопающих – дело рук утопающих и тех, кому без него не жить	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Анастасия Вихарева

Дьявол и Город Крови

4: всей нечисти Нечисть

Глава 1. Невеселые думы Его Величества

Вечер уже давно опустился на дворец. С тех пор, как проиграли войну с Проклятой землей и потеряли дядьку Упыря, одного из самых древних вампиров, обладающего магическими знаниями четырех стихий, помнившего времена, когда Дьявол ходил по земле, во дворце был объявлен траур. Огней, как бывало раньше, не зажигали. Даже внезапно обнаруженные руины древних городов, которые вывернулись из параллельной вселенной будто на заказ, не вызвали у Их Величеств перемену настроения. Зажигать разрешалось только свечи, но в таком количестве, чтобы в коридорах и гостиных всегда был траурный полумрак. Дворец стоял, как скопище каменных глыб, закрывая взгляду полнеба, в окружении дворцовых стен, толщиной в три локтя.

Впрочем, дворец и в огнях выглядел мрачновато, ходила о нем в народе дурная слава. Но на то он и дворец.

Не ходи, не смотри, а захотелось поглазеть – запишись на прием, и жди, когда вызовут. Не дождался, помер – ну так, сколько ж в государстве народу, даже если на каждого по десять минут, две тысячи семьсот двадцать лет ни есть, ни спать, ни пить...

Вампиры недоумевали: на их памяти это был первый случай смерти, когда вампир скончался сам собой, как какой-то смертный...

Неужели Бог гневался за то, что не успели предотвратить появление Проклятой земли? А если спиной повернулся?

«Немного было народу, и тех вампиры съели», – мрачно подумал Его Величество, понимая, что любой вампир тут же донесет Ее Величеству, с кем и как он провел ночь. Он проводил тяжелым взглядом пожилую служанку из приближенных родственниц жены. В последнее время она стала болезненно ревливой, приставляя к нему проверенных престарелых гримз или деревенских рябых дурнушек. К дурнушкам она его не ревновала: поиграл в кошки-мышки, что с того? Впрочем, пусть так. Неприятно через некоторое время обнаружить утешившую его девицу на блюде госпожи. Маслено-медовых соблазнительных вампирш она побаивалась и ограждала от них: любая могла оказаться причастной к измене, связанной с предателями и теми, кто создал столько проблем – и каждое утро выстраивала дворцовых служителей перед драконами, упреждая удар.

Несколько человек уже спалились, и не столько в связи с изменой, сколько обнаруживая страх и испытывая желание исчезнуть на время волнений в некотором царстве, в некотором государстве. Драконы искали в умах крамолу и не разбирали, по какой причине.

Вампиров побаивалась не только жена, но и сам он. Друг друга вампиры не ели (еще не известно кто кого), но подъедали не хуже, как когда набрасывались на человека. Символ власти – странный меч, который передавался от Царя к Царю (поговаривали, что меч этот языческий, и будто бы принадлежал какому-то там Богу), рубил голову любого вампира сразу и насмерть, но порой до смешного доходило: высокопоставленные лица начинали прокручивать его жизнь, смакуя пятна на рубашке или предоставляя на рассмотрение миру неопровержимые доказательства испорченной невинности.

И поймай такого язычника! А сруби голову, сразу обвинят в отсутствии демократии и жесточайшей цензуре. Чтобы замаять скандал, папарацам приходилось дорого платить, а потом в отместку за траты Ее Величество выбивала признания из подозрительных и из него самого медикаментозно и электричеством, даже если не было ничего, поэтому желающих утешить его было немного.

Сам он побаивался Зова не меньше жены – неизвестно, чем это ему обернется. Один раз Ее Величество уже позвала, и голова отлетела, так же может позвать и другая королевишна, и не факт, что на сей раз Проклятие положат на эту... – еще одна причина не играть в кошки-мышки с женщинами-вампирами.

Назвать «эту» «Манькой», язык не повернулся. Чувствовал – кощунствует, а «чудовище» смахивало на хвалебную оду. С участием злобной твари в пепел обратилось столько вампиров, что при слове «чудовище» у любого вампира начинался нервный тик. Проклятие для выскочки еженедельно обновлялось, но после всего, что произошло, разве доказано, что оно хоть как-то на нее действует? Пожалуй, только дядька Упырь мог образумить эту тварь.

Не такая уж смерть господина Упыреева была естественной. По понятным причинам, тайну не разглашали. Да и как объяснить, что проклятый человек изглодал самого сильного и старого вампира, поставив на нем жирный крест, и никакие вампирские заклятия на него не действуют, и что чудовище приколочено к Царю, который уже и сам за собой замечает, что стал каким-то безвольным, все чаще закрываясь в кабинете, чтобы пострадать в одиночестве. И хотелось сделать что-нибудь этакое, чтобы всем насолить, раз разлюбили. Правда, в голову лезла одна муть. И ничего не помогало, даже таблетки, которые пил не только он, но и Ее Величество, чтобы хоть как-то подлечить нервы.

Наградил же Бог прицепом!

Его Величество смутился, крепко сжимая подлокотники кожаного кресла. Страдал он, конечно, по Ее Величеству, которая после всех свалившихся на нее напастей стала сама не своя и, как казалось Его Величеству, любила его с каждым днем все меньше. Но разве разлад между двумя вампирами не бросал на Царя еще большую тень? Он, конечно, понимал жену, а когда обвиняла, чувствовал себя виноватым (да и как было не чувствовать, если все проблемы упирались в эту какую-то неправильную проклятую, с которой ни он, ни жена не могли сладить), но разве способствовал?

При воспоминании о дядьке Упыре, сердце защемило до навернувшейся слезы. Такие нежные, такие ласковые пришли от него слова, будто встал из могилы и рядом, за спиной, заглянул в глаза. Ведь прожил не одну тысячу лет, запутался года считать, в последнем тысячелетии отмечал их веками. А вот, поди ж ты, за последние полгода осрамился так, что утку из-под него не доставали. Из каждого угла Дьявол светил и подмигивал глазом: страшный, рогатый, изо рта пламя, в лапищах плетка, а во рту в огне грешники...

С ума сойдешь, если померещится такое!

А разве сам он здоров? Про кровь уже слышать не может – рвет после каждого стакана и обратно выходит, порой не успеваешь до унитаза добежать. От жертв тошнит и зубы сводит. И то клыки на лице Ее Величестве привидятся, то скелетик ее узрит, будто кто подсветил сзади, то вдруг отчетливо пергаментная серость и лысины воображение рисует.

Ну, издержки бессмертия...

Как бы не закончил свои дни его дядька Упырь, а прожить столько же хочется.

И у Ее Величества защемление мозгов...

Ладно, золотые рыбки, у мертвого моря сам, бывало, баловался с сетью, но лампа желаний?

И хватило же ума при всех сказать, что именно лампой обороняются предатели...

Какая лампа, коли, молния из тучи вылетела и положила с десятков вампиров, еще одна – и еще десяток. Сколько погубило-то, не посчитаешь, по всей стране траур. Но ведь доподлинно

известно, что лампы желаний не исполняют желаний, связанных с убийством и любовью. А Ее Величество свое твердит: вот еще два желания, и будем доставать лампу – и все одним желанием исправится!

«Да, проредило поганцев, надолго запомним дни позора!» – с горечью подумал Его Величество, глотнув кофе, принесенное служанкой, резко оттолкнув ногой сервированный столик. Столик откатился и ударился в стену, сотрясаясь сервированной посудой.

Но сомнения все же были: а вдруг она права? А и в самом деле, что делают лампы в полуразрушенных городах на площади? Их не взять, тогда где они сами? В чьих руках? Почему драконы не могут объяснить, откуда города взялись? И что за саркофаги-статуи рядом с лампами? А если вампиры, то где следы? А подписи? Кому бы из вампиров пришла мысль играть в кошки-мышки? Тут самым Дьявол пахнуло, что половина выживших вампиров готова смотреть на солнце на черной территории.

Да только и там свое твердят: «Мы вас пожить пустили бы, но наши возможности исключают вашу пропойность, нету у нас ресурсов, чтобы предоставить вам кровушку!»

И в правду, нет! Куда ни бросишь взгляд, пята в вампира упирается, и обеднение такое, что слеза наворачивается. Спаситель у них оказался то ли дурак, то ли призрак, который, слава Богу, отошел и уже не бродит, всех под одну гребенку подмел. Вот что значит: много вампиров, и ни одного вампира – нарочно не придумаешь! Лицензии ввели, в тюрьмы сажать начали за самоотлов, цены заломили на кровь такие, что то состояние, которое Ее Величество разрешила убывающим с собой забирать, на три раза голод утолить.

Его Величество усмехнулся: так скоро человек опять достоянием станет.

И сразу вспомнил о горошинах, которые нашел в пещере.

Что за старик такой? Откуда взялся? Какого лешего делает с вампирами, восставшими против трона? Да еще с проклятой... Как мог такой старик волочиться за чудовищем? Почему сопровождал убогую? Что, не нашлось никого достойнее? Вроде умный старик. Такой смешной устроил подарок, знала бы Ее Величество – убила бы на месте.

Обладая такими способностями, как описал дядька Упырь, мог бы иметь от государства такую поддержку, что многие вампиры удавились бы от зависти...

По ним, по лапоточкам, по волосам из бороды, нашли-таки о старике сведения. И не нашли бы, да дядька Упырь на смертном одре подсказал, что мол бродит такой пакостник по миру, всем показывается, но в руки не дается. Не помнят. И горошины его самого Дьявола изобретение. Вреда больше, чем пользы: по миру идет, горошины раздает, и перестает быть всяк в своем уме. Знает столько, что знания его, дядьки Упыря, в щелочку уложить, но сам ими пользуется редко, практически никогда, предпочитая горох. И будто знания выдает только тому, кто их уже видел и понимает, а для остальных они без пользы: одолжить можно, а проникнуться ими нельзя.

А когда спросили Упыря про войну, ответил:

– Участвовать старик в этом мог, но, чтобы учудить такое – ни в жизнь! Он и вампирами не обласкан, и человеку худое, а только ни тем, ни другим ни в жизнь без него умными не стать! Если где-то что-то, он то примазывается, то глаза отводит, а чтобы кто-то ему угодил – такого свет не видывал! Там или Дьявол землю посетил, или маг такой силы воду мутит, что я в подметки не гожусь!

Произнес свои слова дядька Упырь со страхом, а спустя час вытянулся, как продажная сволочь, и копыта откинул...

Хотя нет, прокричал:

– В огонь меня, заразы! – задымился весь, прожег и кровать, и пол, и еще один пол этажом ниже, и еще один.

А когда прибежали за ним в подвал, собирать было нечего – одна ржавая пыль.

Стоит теперь в горшочке, в покоях Ее Величества. И проливала она на него слезу, и слезы девственниц, и сама молила, и молиться на него заставляла, а крови извела – и молодых девиц, и вдов, и младенчиков, а толку то!

Тут бы благоденствие ее закончилось, да не телелась, устраивая одно судилище за другим, сажая на кол и людей, и оставшихся после войны вампиров, хоть сколько-то причастных к царскому сословию. Готовилась измена – все видели! Да только тот, кто имел бы виды и достаточно старости, чтобы вывести в люди такого мага или выйти таким магом самому, чтобы страшать происками и разным вредительством все государство, как в воду канул. Не каждому вампиру дано выдержать пытку, но никто ничего внятно не смог прояснить.

А еще спасибо Матушке ее, хоть и померла старушка, все те вампиры, которые ей своей чистокровностью обязаны, как сидели на колу, так и сидят, в верности их сомневаться не приходится, прикручены к жене намертво. В огонь и в воду пойдут, лишь бы угодить ей. А таких полцарства, прочих дядька Упырь и Баба Яга извели сразу же, как он и жена на троне утвердились.

Но, увы, прикручены они не к нему...

«Пожить бы еще!» – с тоской подумал Его Величество, понимая, что у супруги не будет выбора, если выяснится, что проклятая выходит в люди. Убьет его, не задумываясь. Найти вампира побогаче и с генеалогическим древом, чтобы возместить утрату Матушки, тетушки и дядьки Упыря, жене не понадобится много времени. Да, престолонаследие у него есть, но пятой водой на киселе. Никто не считал, сколько престолонаследников было перед ним.

Ожидание и неизвестность были хуже всего...

И куда вся решимость, куда вся мудрость подевались? Где уверенность? Ведь были же, были! Откуда бессилие, откуда сомнения? Откуда глухая тоска и нехорошие предчувствия? Почему он чувствует страх, ущербность, как какой-то человек, даром что вампир?!

Поговаривали, что проклятые не умеют ненавидеть...

Но, похоже, к его проклятой это не относилось – она именно ненавидела его.

Он никак не мог подобрать слово, которое отразило бы глубину его отвращения, которое последнее время не выходило из головы. Ненависть с новой силой полыхала на кончике языка, как жгучий перец, вырвавшись на свободу: скотина, сволочь, мразь, лохань, падаль, паскуда, стерва, отравка, отребье, животное... – в каждом слове был недостаток, не отражали они глубину тех чувств, которые он хотел бы выразить словом. При одном упоминании о ней, накачивал холод и слепая ярость. Он не понимал, как можно так ненавидеть одного человека, но ненавидел. Хотелось хоть раз заглянуть в лицо этой твари, которую видел только в чулке со сплюснутым носом и безумными глазами.

Но вот что странно: руки его уже не сжимались при мысли о ней, как раньше, когда он мог ударом кулака пробить стену.

Впрочем, о чем ты думаешь, Величество?

Лохань, она и есть лохань, этой Маньке после проклятий-то любой покажется за счастье. Не станет носить лапти приличный человек. Убожество к убожеству. Нашла себе старика, который, видимо, ослеп от старости на оба глаза.

Ненависть отпустила, боль ушла, но не рассосалась, а притаилась где-то в глубине сердца...

Неужели, все-таки Проклятие, а не Зов? Но какой в этом смысл? Что получают предатели, обратившись к нему с Проклятием? Царицей Проклятую не поставишь – ни знаний, ни древа, ни, на худой конец, партии. Кто за ними пойдет? И богатство не свалится – неоткуда, все давно поделили и разворовали, доброй женой тоже вряд ли получится – проклятые всеми болезнями болели, какие положили на них. Жалкие, убогие, бесхребетные. С ними даже рядом находится неприятно, с души воротит, уж теперь-то он много о них знает – посмотрелся. Пачками их при-

таскивают во дворец, чтобы присушить и сделать верными и смиренными тех вампиров, которые еще не присушены, оборотни по всему государству их разыскивают.

Вряд ли Проклятие...

И даже если так, что с того? Чтобы Проклятие заработало должным образом, прежде он должен проклясть себя сам – иначе, не дотягиваясь зримо, люди, которые должны ускорить процесс изгнания его на Небеса, увидят лишь пустоту. Но, если все же Проклятие, которое прошло мимо взгляда жены, как укрылось от драконов? И в Зове дракону разобраться нетрудно, отсекая пришельцев. Мимо них ни один не проскочит, ни свой, ни чужой.

Как часть государства стала для вампиров бесполезной, этого даже лучшие ученые не могли придумать. Гадали всем миром. Но ученый мир не только появление Проклятой земли объяснить не мог, а и мумию, которая приперлась из далекого государства, чтобы поселиться навеки, как достояние.

Слава Богу, язык как-то выучить смогла...

Их, говорит, там много, все запасники музеев мумиями забиты, не выставляют, как экспонат, пуская на бумагу и удобрение, нет генеалогического древа, а и мумии хотят жить красиво. И ведь как-то добралась, не рассыпавшись...

Ну, мумия, ладно (надо бы позвать еще штук пять, пусть и в последних городах будут такие же. Не золотые рыбки, но хоть чем-то супругу порадовать), а руины городов откуда? До сих пор ломаются от сокровищ, сколько кладов нашли, не перечить! То колечки цены немалой, то грамоты, то палата из камней самоцветных. Ведь мимо ходили, и по месту тому, не было их, никто не видел! А как Ее Величеству приспичило, выросли, как грибы после дождя.

(Да, были времена – богато жил человек. Ох, пожить бы в то время самому... Впрочем, зачем это ему? Добра и тут хватает... Царь он или не Царь?!)

Появление древних городов страну не спасали. Страна в последнее время стала обратно популярной – все о ней только и говорили и стороночкой объезжали. Земля эта, как чума – на всех континентах всполошились, объявили карантин. И капиталы повывезли бы, если бы, опять же, Ее Величество не объявила народный траур, приостановив банковские операции, и пока суд да дело, не приставила бы к каждой копейке счетоводов, которые урезали капиталы покидающих страну в пользу казны. И среди молодых вампиров недовольных было бы много больше, если бы мудрая жена не объяснила им, что только так они могут по-доброму зажить.

Все-таки Ее Величество – кладезь мудрости...

Молодняк после нововведений готов был целовать песок, по которому Ее Величество ножкой ступила, а некоторые целуют – сколько старых вампиров наконец-то освободили место под крышей! Донес на богатенького соседа – и нет соседа, и полагается тебе прибыльная премия. Если не земля, так хоть драгоценности, которые древние вампиры хранят в сундуках еще с тех времен, когда общественного мнения, как такового, не существовало. Каждый могущий узреть хваткую руку и приткое обогащение приносит заявление: мол, вот вам донос на соседа, воровал, богател, не делился – ловите, а я благодарствую.

И ведь человек не брезгует кровушку у вампира попить! Помочил бумагу слезой и отправил хозяина в казенный дом...

В казне теперь прибыль, какую за десять лет не собирали. Воровать практически перестали. Так глядишь, государство выйдет на достойное место по отсутствию коррупции. Но где деньги на всякое непредвиденное брать? Тот, кто раньше без казны обходился, теперь на казну молится: помогите, заболел, ночами не сплю, прибыльность вижу и свою, и вашу...

Решение было не только ко времени, но умнее, чем все его решения прежде. Непонятно, как он раньше до такого сам не додумался? Сколько ума, сколько находчивости, изворотливости, сколько шестого чувства оказалось у жены! И непроизвольно задумаешься: а произошел ли человек от обезьяны? Много ли ей надо обезьяне-то? Ведь только человек придумал полу-

чать от любви удовольствие, а все остальные в строго обозначенное время плодятся и размножаются. И ни одной женской особи не придет кобеля искать, если потомство зачато – только человек может погладить дитя свое членом. Может, человек абстрактно мыслящее существо, что любви ищет, а не оттого, что взял в руку палку и решил жить стаями? И неужели смог бы человек так изменить свою природу, если бы произошел от скотины?

Кто же ты тогда – человек? Взять, к примеру, ее Величество – она уж точно произошла не от обезьяны, ей сам Дьявол в подметки не годиться. Сумел бы он так образумить народ?

Бог придумал человека!

Или Дьявол... Сколько в человеке противоречий!

Дьявол... Дьявол... Его Величество поморщился.

Почему именно Дьявол? Почему этот маг не Спасителем себя возомнил?

Понты?

С размахом под Бога косит, с той самой землей, которую все и во все времена искали...

А ну, как и вправду сам Дьявол? Пожалуй, он единственный, о ком не говорят: не умеет! Умеет, еще как умеет!

И странно, что Святые Отцы призывают молиться, креститься, хаять и не верить. Сие есть зло... Но у всякого зла есть обратная сторона медали. Зло есть – но для проклятой вряд ли! А если ей будет зло, то другим как бы должно облегчение выйти – тогда благодать!

Это что же получается, против Бога восстали, а он как бы постращать их решил?

И почему сейчас? Почему ни на Царя раньше, ни на Царя позже?

Но если сам Господь закосил под Дьявола и попугал народ, восстанавливая справедливость, то обратное о нем мнение. Так народ ни в какие времена его не взлюбивал. Облажался он с Проклятой благодатной землей! При одном упоминании о ней, любой начинает креститься и молиться, лишь бы в связи не заподозрили. Обеспокоен народ, даром им такой Бог не нужен, повалил в синагоги, в церкви, в мечети, по святым местам – и верующий, и неверующий. Теперь, пожалуй, никому не скажешь: «креста на вас нет!» – все крещенные. Даже еретики, которым не мыслилось жить, козни не строя. На что цыгане и евреи – и те перепугались, поведав по большому секрету, что и у них скоро свой Мессия намечается: мол, встали мы на путь вразумления, поняли, в чем великая сила Сына Человеческого.

Лучше признались бы, что не могут ни одного слова из Закона своего произнести, которое против себя не обернулось бы. Статистика хуже, чем у тех, кто от Пророка и Сына Человеческого не отказывался. Ну вот, прикатилась или выкатилась та самая земля, сам видел – там и мед, и молоко, и сметана со сливками, а как пальнула огнем, одинаково бежали без оглядки. И хоть бы один вспомнил, что вот она, благодатная – рассказал бы, как извели-то ее у себя! Но нет, тоже не держали Дьявола в уме, не ждали, не гадали, молились, крестились, стенали и пели хвалебные песни, и радовались, что есть кого попить и поесть. Оказались продажнее честно признающих в лице Спасителя самих себя.

А уж кому бы радоваться появлению Дьявола – священнослужители! Те только выиграли. Ныне собирают такую казну, какую в государстве и в четвертинку не собирали. Одурели с достатка, божьих домов больше, чем жителей, каждый день по три храма возводят, да все на средства из государственной казны. Зрелищные мероприятия закатывают – в иных государствах завитками давятся. Государство теперь не просто государство, а законно государственно спасенное и право славящее.

Его Величество закрыл глаза и расслабился.

И то верно, свечное производство сколько веков без перебоев работает! Оказывается, не применимо к нему слово «кризис». Свет нужен всем. И производство спасительных ликов поставлено на поток. От идолов деревянных перешли на иконостас с расширенными возможностями. Материал любой, лишь бы лицо человеческое. Чем больше канонизированных Благодетелей, тем больше возможностей выбрать Покровителя по вкусу. На все случаи жизни: для

вора есть, для прелюбодея, для убивца, для лентяя – на каждое имя, на каждое ремесло, на каждый вид деятельности.

Им бы Дьявола-то прославлять за щедрость, а нет, по-вампирически думают, прикрываясь Спасителем, отгораживаясь от Благодетеля, как Царь от мужика. В конце обнаглели и поставили себя выше Царя, охраняя покои жены – и не пройти мимо.

Его Величество поморщился, вспоминая, как Святой Отец обрисовал ему супружеский долг. Пресно, благопристойно, чинно – вошел и вышел, помолвившись на святое царственное место. Будто Спаситель, лобзая всех без разбору, непременно останавливаясь в домах с хорошенькими девицами, улаживаясь вином на каждый вечер, ни разу ноги к себе на плечи ничьи не закидывал, не совал леденец между аленькими губками. Уж кем, кем, но евнухом он точно не был, не брезгуя ни мужиками, ни бабами. Не бог весть какой Сынок у Отца уродился – и пьющий, и гуляющий, и блудный, и отказывающийся от родителей, и с наклонностями – тоже на любой вкус. А служители обоими руками за жену ухватились – сколько возможности обнять паству и выманить деньги на новые церкви! Если Сын Божий ни в чем себе не отказывал, чем он хуже?

Впрочем, и тут Ее Величество не сплеховала, приставила их к государственным делам привыкать помаленьку. Разрешила им в Думу избираться.

Ладно, вот пусть теперь не на козни тратятся, а на предвыборные компании.

Его Величество скомкал лист бумаги, который третий день лежал перед ним пустым с одним лишь словом: «План», метнул комок в мусорную корзину.

Никакого плана не было и в помине, а были тяжелые думы...

Самое страшное было в том, что Ее Величество никаким Величеством уже его не считала. Мальчик для битья, мальчик на побегушках, мальчик в мокрых штанишках. А он любил ее, может быть, еще сильнее, страшась своей будущей участи. И по-прежнему называл сладкая, милая, лапуля...

В общем, жизнь становилась невыносимо поганой, и, если так пойдет дальше, быть ему козлом отпущения во всех грехах. Сам не раз так делал, предавая министров законному народному гневу. Но на этот раз Ее Величество козлом отпущения решила сделать именно его, застываясь за всех, на кого он пытался повесить недоработки и взыскать неустойку.

А некого, оказалось, обвинить!

Как поймашь за руку, как схватишь, когда маг этот вон какой, а ты только такой?

И ведь не чья-то, а именно его поганая душонка оказалась в нужном месте в нужное время!

Каким местом ее туда присобачили, и кто?! Какого черта она не подохла, не повесилась, не слетела с катушек, как у всех нормальных вампиров? Благо, что пока проходит по делу лишь свидетелем и заложником, или даже подозреваемой, а не организатором, и не исполнителем. Если выяснится, что она хоть как-то причастна и участвовала в восстании наравне с повстанцами – это будет конец!

Его конец!

Милая супруга наденет задним местом на кол и как знамя пронесет по всему государству, чтобы каждый видел, что будет с вампиром, который не убил проклятого, как будто в этом его вина, а не ее Матушки и дядьки Упыря, которые строили на нее какие-то планы, мечтая то колодецем обзавестись для драконов, то наследника родить, то через железо омолодиться на пару сотен лет.

Омолодились...

Сами же не добились ее, укрывая и утаивая от него. Благодаря этой твари, злключения свалились не только на его голову, но на головы всего народонаселения царства-государства, а он не может ничего сделать! Как ей прикажешь, если всеми мыслями он не смог даже про-

никнуться ее местоположением, а Ее Величество приказать вероломным изменникам отворить двери в царство-подгосударство проклятого заповедника? И в транс-то его погружали, и током били, и черепушку ломали, и с головы его лучшие ведуны и ясновидящие считывали – себя же и нашли! В конце концов, он пока не вампир в полном смысле этого слова, чтобы терпеть такие муки и получать при этом удовольствие.

Голова у него не тем местом приклеена?

«Сука! Сука!» – Его Величество сжал кулаки, чувствуя новый прилив бессильной ярости.

Так и подумать недолго, что не вампиры, а она со стариком Хоттабычем вампиров используют, ведя как агнцев на заклание. Того и гляди, начнешь гордиться своим бесовским приложением!

Говорят, от ненависти до любви один шаг...

Его Величество достал волосинки и положил перед собой. Поднес поближе свечку. Несколько черных и одна седая. Подержал над огнем, наблюдая, как они мгновенно прогорают и сворачиваются, оставляя пепел. Смысла отдавать их на экспертизу не было, а жена обнаружит – сразу гроб заказывай.

Наверное, стоило закатать на восковую куклу, проткнув ее иглами, но пробовали уже.

Нет, он ни о чем не жалел. На клушу, которая оказалось его душой, и с Зовом никто не позарился бы, а без Зова тем более. Ведь не узнал, когда увидел, ни одна мышца не дрогнула. Наоборот, испытал отвращение и стыд. Будь он умнее в тот день и знай, что она – душа его, и тогда не изменил бы решения. Так деревенское чмо заканчивало свои дни. Не было у нее ничего, что он мог бы пожелать себе – ни знаний, ни талантов, ни связей, ни родословия, ни красоты, как у жены. Что ему было делать с убогим ничтожеством – щи да кашу на печи хлебать? Он уже тогда понимал, что выбраться из той дыры в эту без поддержки не сможет – все именитые и уважающие себя люди бегали на побегушках у тестя. А он не выбирал, не было в его чувствах корысти, хоть и не сбрасывал со счетов очевидную выгоду женитьбы. Ее Величество была видная девушка. Она и сейчас видная, с ума по ней сходят без всякого Зова. Любил, как никто и никогда. Даже не знал, что способен на такие глубокие чувства. И родителям выбор его сразу пришелся по вкусу. И не ошибся. Его успех многим древним, как мир, вампирам только снится в самых потаенных и сладких снах. А ведь он даже и не вампир пока. Да и дали бы разве им жить, как в народе говорят, душа в душу? Сидел бы в остроге, или в поле лежал убитый, или бегал по лесам и выл на луну, или проклятая стала бы вампиром, и неизвестно кем стал бы он. Сколько таких, обремененных, он сам рассекал надвое, чтобы слить кровь проклятого и напоить нового верноподданного?

Чистокровного, который бы только ему служил.

И где ее, тварь, носит?! Может, закрутила с кем из подельников своих?

Неужто никого лучше этой лохани не нашлось?

Да нет, знал бы...

Он всегда чувствовал, когда у проклятой начинались именины сердца. Приходила болезнь – и милая супруга быстро ставила воздыхателя на место, вразумляя по-своему – комар носа не подточит! А пояись она меж людей, давно бы донесли. Приметы опасных преступников разосланы во все концы света. При таком вознаграждении и горох старикашки не застрянет между глаз!

Глава 2. Царем быть нелегко...

В кабинет без стука вошла Ее Величество. Его Величество тут же вскочил с кресла, зацепившись рукавом за чернильницу, опрокинув на пол. По полу расползлось пятно. Жена лишь криво усмехнулась, слегка поморщившись. Его Величество покраснел, но заметив, что жена отвлеклась на входящего следом Святого Отца, переступил через пятно, прошел к дивану и сел, дожидаясь, когда она заговорит первой.

– Собирайся! – она встала перед ним, уперев руки в бока.

Выглядела Ее Величество решительно.

Раздражена, как всегда, отметил про себя Его Величество. Но не послала за ним, не прислала приказ с посыльным.

Не сказать, что не обрадовался. Не стоило упускать шанс реабилитировать себя в глазах любимой. Но не одна, по душам не поговоришь. На секунду другую он смешался, вспомнив, что все еще Царь, и мог бы легко выставить Святого Отца за дверь – и тут же пожалел, что корона осталась на столе. Хотела Ее Величество или нет, он все еще был ее мужем, и корона пока принадлежала ему на законных основаниях. Но, заметив, что тот с озабоченным и измученным лицом пристально следит за каждым его движением, язык против Святого Отца не повернулся. Силой силу не превозмочь, так можно и последнего лишиться, что имеет.

Его Величество промолчал, стараясь не подать виду, что взволнован. Лишь с любопытством наклонил голову, дожидаясь объяснений.

– Пора народ отвлечь от этого проклятого места, побольше положительных эмоций... – бросила Ее Величество, пройдясь по кабинету и останавливаясь у стола, разглядывая чернильную лужу на полу. – Снять напряжение, ослабив Проклятую землю выдающимися заслугами. Все только о ней и говорят... Куда не глянешь, везде смертушка.

Настроение у жены хуже некуда. Она с досадой сцепила руки, несколько мгновений рассеянно разглядывая пол.

– Перво-наперво, обоснуешь появление проклятой земли – будто горячие подводные источники создают некое поле, угрожающее всему живому. Объявишь опасную зону государственной собственностью – и пустим слушок, мол, проводили эксперименты, эксперимент удался – теперь у нас самое мощное оружие... Народ слухам больше верит, чем официальным источникам.

– ???

Его Величество замер. Где у него голова?! Он с досадой взглянул на жену, которая еще раз доказала, кому он обязан своей короной и миллиардами.

Тоже выход. Простой, но, на первый взгляд, эффективный. Практика была проверенная. Для восстановления имиджа все средства хороши, и пока это был единственный доступный способ.

– Кстати, меморий уже издан. Подписан. Ставлю в известность! – сухо отрезала она, пройдясь взад-вперед, остановившись напротив Святого Отца.

– Там животные стадами бродят. Было бы опасно, не бродили бы, – высказался Его Величество и оборвал себя на полуслове. Ее Величество жестом поднявшейся руки приказала замолчать, резко развернувшись.

– Это еще не доказательство! – скривив губы, она гордо подняла голову в обрамлении золотых локонов, уложенных колечками, подбирая подол платья. – На то они и животные, чтобы вести неразумный образ жизни. Следующий шаг – военный парад, документальная хроника, ну и... выставка государственных достижений.

– Ты понимаешь, что после этого начнется? – спросил Его Величество.

– Понимай, не понимай, а делать что-то надо, – расслабилась она, опускаясь на кожаный диван рядом с ним, протягивая руку для поцелуя. – Мы не можем допустить упаднических настроений.

С ответом он не торопился. Рассеяно глядя перед собой, неторопливо перецеловал пальцы протянутой ему руки.

В последнее время все каналы усиленно зомбировали народ на положительную установку, муссируя преобразование экономики. Установки начинали потихоньку работать – жизнь входила в свою колею. Найденные города оказались эффективным способом отвлечь народ от проблем. Народонаселение валом повалило в развалины, в надежде отыскать старинные монеты и, если повезет, клад. Клад, само собой, принадлежал государству, но нашедшему полагалось двадцать пять процентов вознаграждения. Естественно, по оценке государственных экспертов, которые готовили часть собранной коллекции антиквариата к аукциону. На всякий случай все три города усиленно охраняли. За выемку ценностей у обокравших государство солдатам тоже полагалась премия в размере чуть большем, чем тому, кто клад нашел и не сдал куда следует. И сразу же во всех трех городах стали один за другим обнаруживаться воры и расхитители. Наказывали воров нестрого, лишая вознаграждения и доступа на охраняемый объект.

Конечно, сразу нашлись те, кто хотел бы вознаграждение от цены, за которую иной коллекционер приобретал вещицу, но стоимость изделия одно, а блажь – другое...

Кроме того, захватывающие новости отвлекали подданных от новостей менее приятных, пробегающих по экрану быстреньким мелким шрифтом или произносимые шепотом по радио, желательно, когда народ подшофе, чтобы не сильно травмировать и без того расшатанную его психику, типа: подорожали ресурсы процентов, эдак, на двадцать пять, или про землю вот. Кто обратит внимание на такую мелочь во всенародный праздник летних каникул? А если скажут: не говорили, то вот они, новости – внимательнее надо быть!

Он не переставал удивляться, как царственной супруге удастся выдуть из мухи слона. Взять, к примеру, страдающих сироток: показываешь малютку в патронатной семье, и вот уже государственная забота как бы на лицо. И кто после этого вспомнит, что сирот сотни тысяч, а в приютах за такую зарплату соглашаются работать разве что педофилы и извращенцы. И слава богу, что есть наставник, которые не корысти ради, а удовольствия для. Худо-бедно, и речь человеческую освоил, и лопату держать научился, и к смирению приложен. Чтобы сэкономить, приходится-таки открывать разные учреждения, которые сбывали сироток с государственных рук в руки частные. Например, тому же вампиру, который изгадил свои органы так, что год или два, и лежать ему в гробу. Не больно-то покрасуешься с дырой перед народом. Или продавая за границу. Спрос на сироток был, порой выпасть из женского места не успевал, как его уже рассовали по всем местам. И житье за морем не худо. Это кому как повезет – один на убой, зато двум сладко.

С землей то же самое, надо что-то большое, что-то этакое, чтобы все сразу поверили и пощупали, а вопросы отпали бы сами собой. А проблема противоположно направленная.

– Какие достижения? У нас их сроду не бывало! – буркнул Его Величество и скривился, перебирая в уме, что можно назвать достижением. Все из-за границы, во дворце ни одну вещицу родной не назовешь. Разве что те, которые под заказ, но и они, как правило, народными умельцами из заграничных полуфабрикатов лепились.

– А ты в земельку загляни, собери чего понаряднее, да и представь, как продукцию из государственных закровов! – с издевкой процедила сквозь зубы Ее Величество.

– Так есть же нельзя! – обиделся Его Величество, стараясь понять, шутит она, или всерьез решила отравить народонаселение.

– А кто есть собирается? Ты стране представь! Таким ведь и был Царем, что показать нечего! – упрекнула она. – В общем так, решено уже. Пресса приглашена, пресс-конферен-

цию... – она оценивающе окинула его взглядом, оставшись недовольной. – Впрочем, нет, тебя народу лучше не показывать. Надежнее. Неизвестно, что с лица вылезет. Министр экономики поговорит с подданными. Но кроме тебя на Проклятую землю никто попасть не может, а нам сведения нужны, кто такие, там ли еще, кто бывает у них. В общем, вот причина, вот задание, а вот оправдание, – взгляд Ее Величества был твердым и слегка обеспокоенным. – У меня, зайка, всего ничего времени остается, чтобы государство в руках удержать. На драконе полетишь. Если с тобой что случится, поймут сразу. Заодно проверишь, много ли Проклятая земля отяпала от государственной территории... – лицо супруги стало озабоченным. – И, если Дракон попросит чего – выполнишь! – бросила она раздраженно.

– Ты что? Ты меня в логово? Чтобы проклятым?! – одурел Его Величество. Он не мог поверить, что жена вдруг повернулась на сто восемьдесят градусов, бросая на растерзание врагу, будто избавляясь от него.

– Возьми охрану! Впрочем, нет, не поможет, – спохватилась Ее Величество и подняла на него усталые глаза. Голос стал мягким. – Я понимаю, милый, тяжело жить с таким грузом... – она погладила его по волосам, проведя по щеке рукой, будто прощалась. – Но это не шутки уже. Пусть ты один пострадаешь, но зато все мы жить останемся. По крайней мере, тебя они не убьют. Достать их мы можем только так. А с твоим Проклятием разберемся как-нибудь. Я уже вызвала специалистов, наука не стоит на месте. И потом, если собрались наложить Проклятие – наложили бы, а Зов, позвали бы. В конце концов, ты пока еще Царь... – напомнила она с досадой. – Надо начинать переговоры – пусть уж произнесут заклания, да и выйдут к нам, а там посмотрим, кто кого. Мы не знаем, чего они хотят, поэтому не можем предупредить их удары.

– Не трудно догадаться! Трон, чего же еще-то?! – Его Величество поднялся, прошел к столу, чтобы не показать обиду, смял еще один лист бумаги с царскими водяными знаками, отправляя в корзину для бумаг. Последние слова жены заставили сердце больно сжаться. Да, ради нее он готов умереть, но жить-то хотелось.

– Поэтому подписан Указ о передаче твоих полномочий на управление государством в мои руки, – твердо, как приговор, произнесла Ее Величество. – Черкнешь там, в приемной. Но это не главное, главное – заставить врагов обратиться к нам... Эх, мне бы лампу достать! – тяжело вздохнула она. – Если она у них, мы быстро расправимся с ними.

– Опять ты... – Его Величество повернулся к жене, слегка усмехнувшись, почти с ненавистью бросив взгляд в сторону Святого Отца. Он не сомневался, что его отречение от трона была не ее идея. – Все твои лампы в городах лежат, возьми!

– Вот именно! Саркофаг... Лампа... Это знамение! – с жаром произнесла она, оставив надменное выражение лица. – Не случайно трижды повторилось одно и то же! Древний вампир встал из гроба, Антихрист – и пришел он с лампой, которая помогла ему захватит землю и обороняться против нас. Но, если мы получили знаки, значит, Спаситель и Отец Наш Небесный на нашей стороне! Это не рука человека, и даже не рука вампира – это спасение нам. Посуди-ка, мог ли маг предполагать, что города выдадут его с головой?

– Что-то поздновато нам сообщили... когда уже своим умом дошли, – Его Величество скривился, не сдержав усмешки. Как могла жена быть такой умницей и наивной одновременно? Ясно, откуда ветер дует: Святые Отцы основательно засрали жене мозги душещипательными проповедями. – Не кажется ли тебе, что Благодетельный наш Спаситель знал сего вампира, будучи искушаем им в пустыне? Где Спаситель, и где Отец Его, когда этот умник ходит по земле? Кто, кроме того вампира, смог бы так объяснить нам, кто он, и кто мы с нашим Спасителем? Не удивлюсь, если выяснится, что и города его рук дело.

– Мы, братья Господа Нашего, поднимем знамя Спасителя и спасем мир! – гордо возвестил Святой Отец. – Нам ли боятся Дьявола и приспешников его? Спаситель превозмог, и нам силу дал.

– Спасали уже... Жгли, вешали, убивали, проклинали и отлучали, – с укором попенял Его Величество. – Могли освоить космос полторы тысячи лет назад. Порчи, корчи на народе – прошли бы по желтым домам, да подняли одержимых бесами, но нет, уровень не тот, вам, Святой Отец, царские палаты подавай, да трон, да молодежь не защемленную, которая бесами не загружена... На руки, на руки свои посмотрите, Святой Отец... Давайте, мы сами как-нибудь с женой разберемся, а то, смотрю, за последние пару месяцев аппетиты ваши здорово выросли. Если будете продолжать в том же духе, прикажу финансирование строительства новых церквей урезать. Вряд ли народ от этого расстроится.

– Я понимаю вашу слабость духа, – смиренно грудным голосом проговорил Святой Отец. – Мы все находимся в стесненных обстоятельствах, когда враг переступил черту. Именно Дьявол поганит землю, пытаясь сломить веру Христову, и вселяется в людей нетвердых, чтобы сделать его жилищем своим. И вижу, как неискушенного происками его улавливает в сеть. Ползут от него бесы, толкая человека на убийство, на прелюбодеяние, на гордыню, отвращая от Спасителя нашего. Дома с умалишенными не оставляли мы, и утешение несем всякому. Смирение и вера спасут нас, на колени встанем, и будем молиться на костях, сын мой, и уповая на Спасителя Нашего. Тогда победили народ, и сейчас победим. Но на все воля Божья...

– И боевой дух нашей церкви! Которая, как в старые добрые времена, выйдет на охоту... Пока народ смиренно прогибается и молится, стоя на коленях... – рассмеялся Его Величество, глядя Святому Отцу прямо в глаза. – Ваше Святейшество, я Царь, и могу поменять веру народа, если любимая мной церковь не будет обращать любовь народную на Царя. Как Пророк, который полюбить вас не сумел. Что вы делаете тайно, я вполне могу сделать явно. Крестным ходом на землю вы уже ходили. Она, наверное, этого даже не заметила. Лучше бы помогли Ее Величеству образумиться. Какая лампа?

– Не вижу ничего смешного, – ответила Ее Величество, заступаясь за Святого Отца, и твердо добавила: – Желания лампы предатели уже потратили. Первое – заказали себе землю, второе – добыли проклятую, а третье, чтобы мы туда не сунулись.

– А тетушку твою, а Матушку, а дядьку Упыря – они тоже лампой? – напомнил Его Величество.

– Не думаю. Один из них маг, и этим все сказано. Но мы тоже не лыком шиты. Он их поодиночке, когда они не ждали, а если всем государством, кто устоит?

– А если у них не одна лампа, а на лампу по знаку? Тогда у них три лампы и еще шесть желаний, – кисло произнес Его Величество. Он вдруг ясно ощутил, что стоит у стены – жена его не слышала.

– Я советовалась с драконами. Проклятая не могла бы достать сразу три лампы. Человек может взять ее только единожды, – ответила Ее Величество. – Я предусмотрела вариант, что маг мог использовать трех проклятых, но следы были только чудовища и того старика, который вряд ли может называть себя таковым. Следовательно, лампа у мага одна. Достав использованную, которая была бы уже у меня, если бы я знала ее местонахождение, я смогу получить еще две. Одним желанием. И ты полетишь, и узнаешь, где она, и оставишь жучки, чтобы мы могли выяснить, наконец, сколько их, и кто с ними заодно.

Супруг ей не нравился: мешки под глазами, лицо серое, не одет подобающе...

За того ли она в замуж вышла?!

– Так ведь аппаратура глохнет и выходит из строя, – воскликнул Его Величество с недоумением.

– Ну, это не повод раскисать, – резко перебила его Ее Величество, нахмурившись.

– Понял, – покорно ответил Его Величество с некоторым облегчением. В конце концов, если драконы воспринимали лампы всерьез, кто он такой, чтобы сомневаться?!

Он хотел поцеловать супругу, но она отстранилась, встала, повернулась и направилась к выходу. Ее спутник – Святой Отец, не выпускающий из рук четки, со времени перепалки нервно поправляющий шарфик, поплыл следом.

Его Величество проводил Святошу мрачным взглядом. Распирает от удовольствия! Как же, Матушке Благодетельнице достали трон – единоправный, чего не радоваться! Будто он мешал ей править... Трон Святые Отцы доставали для себя, пытаясь добраться до казны, забывая его насмерть руками жены. Не иначе, убрать собрались. Все перевороты происходили именно так. Не пройдет и месяца, как его объявят тираном, слабоумным дурачком, который окружил себя сворой недоносков, наушников и казнокрадов, которые сбивали Царя с пути. Редкое правление Царей было долгим. Другое дело женщины, которые умели окружить себя толпой любовников, когда каждый мечтал взойти на трон, и бился не с Царицей, а с такими же, как он, претендентами на руку и сердце. Отправить его в Проклятую землю наверняка они же, Святые Отцы насоветовали. Он и сам иногда посылал, откуда не возвращались – своя шкура дороже. Увы, в данных обстоятельствах жену, которая так легко уловилась в хитросплетения красноречивых проходимцев, он понимал – и оттого ему становилось еще горше. Ей ли править государством, когда любой вот так легко может использовать ее женскую слабость и желание опереться на сильное плечо?

«Так, теперь мне нужно подумать!» – Его Величество собрался уже вернуться за стол, собираясь с мыслями, но вдруг Ее Величество обернулась, и холеный служитель Спасителя мгновенно оказался позади.

– Дракона возьмешь двенадцати голов, – бросила она пренебрежительно. – Пусть попробует еще раз огнем Проклятую землю пожечь. Негодная она ни к чему, нечего ее жалеть.

– Хм, если она не годна, то какая годна? – Его Величество сверлил жену взглядом, понимая, что заставляет ее волноваться. Любое упоминание без иронии или пренебрежения обо всем, что было связано с проклятой, вызывало у нее изжогу, и сейчас ему нестерпимо захотелось ее уязвить. – Может, нам как-то по-другому с землей надо было? Человеку она понравилась бы...

Ее Величество и в самом деле на секунду другую замерла, глядя на него широко распахнутыми глазами, в которых отражалась лишь любовь.

– Мы поделим государство на людей и вампиров? – сурово посмотрела она, и Его Величеству стало не по себе. Нет, бессильной ярости у нее не было, ошибся – было другое, холодная, почти железная воля. Такой он жену видел редко. И снова будто раздвоилось ее лицо, и опять он увидел клыки. Но на этот раз был готов, понимая, что однажды тоже станет таким же. Зато бессмертным. И невольно позавидовал.

– Мы – соль земли! – выставился из-за спины Ее Величества обиженный Пресвятейший Отец. – Кроме нас, кто сделает ее соленой? Если не дает нам доброго плода, проклянем и перепашем, чтобы вовек не росло на ней ничего. Мазут пробовали, нефть пробовали, кислотой пробовали, а соль? Вот вы, сын мой, по Духу ли поступить решили, зная, что сам Сатана ищет головы вашей? Знает церковь наша все происки Дьявола и прислужников его бесовских. И вам, Ваше Величество, – служитель скривился, изображая смирение, но грудной голос продолжал звучать до противного поучительно, будто на проповеди, – выпала честь послужить на славу Отечества, опрокинув планы страшных слуг Дьявола. Вам ли враждовать с молящимися за вас?

Он вдруг изменил голос, стал вполне адекватным и здравомыслящим, глаза его оживились. Будто мысли прочитал.

– Поймите, сын мой, из-за вас столько проблем в государстве, что и вы, и мы понимаем, нет ничего худого, если уйдете вы один. Мне очень жаль. Но кроме вашей проклятой, кто еще смог бы притащить Дьявола в наш мир? Мы не раз и не два сталкивались с подобным явлением, и всегда умели выйти из положения, сохранив наше основное... основной источник

духовности народа. Хотите вы или нет, но наша церковь всегда умела отстоять свои интересы. Цари приходят и уходят, а мы остаемся вот уже две тысячи лет. Мы – и наш Спаситель.

Святой Отец решительным шагом подошел к нему и протянул руку для поцелуя. Слегка изумленно взглянув на Святейшество, Его Величество пожал ее и улыбнулся, отринув руку, глядя ему в глаза.

– Спасибо, Ваше Святейшество, за добрый совет, – поблагодарил он, слегка наклонив голову. – Но не забывайте, Царь – помазанник Божий. Я к Богу и Спасителю ближе любого из вас. Я ведь могу объявить, что неправедность ваша довела нас до Дьявола, который смог переступить через церковь, погрязшую в грехе и чревоугодии.

«Ты бы мне еще про Духа Святого, который упреждает каждый удар из своего гроба, поведай! Братской могилы вам! Братской могилы!» – мысленно попрощался со Святым Отцом Его Величество, скрывая едкую усмешку, поворачиваясь спиной.

Служители давно уговаривали Йесю представить гроб, как доказательство Его Бытия, но Спаситель упирался, считая, что плащаницы с его Ликом вполне достаточно. С нее и портреты рисовать во все времена было модно. Обнаружили такое необъяснимое явление, когда нашли поленья, в которых огонь. Он прямо изнутри сжигал вампира безо всяких следов, но! – если сверху на вампире что-то было, то огонь ровно впечатывал прожженного, оставляя о нем навечную память. Мышление от такого чуда зашкаливало. Правда, пришлось пожертвовать вампиром, но так оно даже лучше, ведь по преданию вознесение было живым телом, а не загубленным огнем. И сразу нашлись и противники, и сторонники, которые и так и так объясняли божественное произведение искусства. По одним выходило: Свят и непричастен, по вторым – Свят, ибо причислен. Один Спаситель Йеся от этого заболел: вроде и жив, а на лица не кажись – ибо на Небе. После распятия и не узнавали его, и не замечали, и многие дела его оставили без рассмотрения, так и не сумев объяснить народу, как воскрешенный и вознесенный одновременно мог быть и на Небе, и на земле. Один племянш Иоанн, не имея других знаменитых родственничков, обратил на себя таким образом внимание, переплюнув всех других апостолов, которые увидеть в дяде Бога не захотели. Быть племянником Бога разве не престижнее, чем просто быть?

Был он сыном Вефсаиды, сестры Йеси, и сыном рыболова. Первое произведение Ванька написал спустя десять лет после вознесения дяди под псевдонимом Марк, руководствуясь наставлениями Петра (которому Ванька достался по наследству) и Павла (он же Савл, который однажды услышал глас среди ясного неба, взывающий к нему из глубин: Савл, Савл, что ты гонишь нас?! Вот мы, душа твоя!). Второе, спустя шестьдесят пять лет на острове Птамос, когда ему было примерно около семидесяти девяти лет.

Его Величество задумался, подсчитывая, сколько лет было смышленому племяншу в то время, когда он увязался за дядей.

Мария вышла замуж за Иосифа, будучи беременной. Ни о каких детях и второй жене речь не шла, Иосиф считал Марию женой, а Мария Иосифа мужем. (Какой нормальный мужик бросит жену с семьей детьми, чтобы жениться на беременной бесприданнице, у которой из родственников только священник и был, воспитавший племянницу не по самым взыскательным правилам? Так опорочить свою семью!) И по заграницам он с нею хаживал, и по синагогам, и блудного сына искал, пытаясь оградить семью от позора. И оба считали себя родителями чада, особенно Мария. А чадо уже тогда от родителей отрекалось, считая их недостойными. Наверное, все же пасынок Иосифу не пришелся по душе, и когда у Иосифа появились родные дети, отверженный Йеся разницу эту почувствовал особо остро. За это говорит и тот случай, который запомнился Йесе особо, и о котором он рассказывал не единожды своим апостолам, а именно: когда мать и отец просто-напросто забыли о нем, оставив в городе, куда приходили на праздник, спохватившись только на третий день. Предположим, мать апостола Иоанна Вефсаида была следующей за Йесей, родилась года два спустя, и пошла по стопам матери, соблазнив

рыболова, когда ей было лет шестнадцать, родив в семнадцать. Итого девятнадцать лет. Спасителю было тридцать три, когда его распяли. Год можно скинуть, год он прославлял себя. Получалось, что племяншу было в то время меньше тринадцати лет. И ходил Йеся с ним повсюду, и лобызал его, и возлежал с ним, и прижимал к груди, и обращался не как с племянником...

Или мстил Йеся своим братьям и сестрам за сиротское свое детство, что обошелся с племяншем еще хуже, чем обошлись с ним самим – ибо и Ваньку не искали родители. Ваньку можно понять, он болезненно переживал свой позор, открывая все новые и новые достоинства в своих Благодетелях, которые раскрывали ему очко, в последнем произведении примилив, наконец, дядю и мать его... Не иначе, выдавая желаемое за действительное, ибо жизнь подходила к концу, своей матери у него уже к тому времени тоже не было, и жутко ему хотелось покаяться, но не перед братьями же.

Так, все педофилы вполне могут попасть в Рай к Отцу Небесному, минуя чистилище. Причем не просто педофилы, а инцестные педофилы, которые не брезгают своими чадами. Ведь не скажешь, что прелюбодеяние, ибо не женщина. И женщины не могут прелюбодействовать, ибо не мужчины. Следовательно, нет греха, раз не упомянут. Понятно, почему требовали распятия жители Иерусалима, предъявляя в качестве обвинения детей, на которых была кровь...

Да, резня была самая, что ни наесть, вампирская – и не удивительно, что первые христиане слушались своих апостолов, как мусульмане Пророка.

«Руки по плечи в крови, а туда же... к престолу потянулись. Везде за нею таскается!» – с неприязнью подумал Его Величество, но промолчал.

Новоиспеченный провидец и соправитель государства его раздражал. Когда место на троне рядом с Ее Величеством окажется пустым, кто осудит? Ради трона снять с себя сутану не грех – тоже Помазанник. В последнее время Святые Отцы с корнем выкорчевывали любое его начинание, которое могло навести в государстве хоть какой-то порядок. Спорить с Отцами, когда они так близко подошли к жене, было опасно. Он не сомневался, что Зов Святой церкви не слабее его Зова, опыта им было не занимать. По крайней мере, не сейчас, когда они как никогда в силе. В школах ввели богословие и познание азов духовности, теперь это были важнейшие предметы. Осталось ввести розги и отменить все прочие предметы. Последнюю надежду отнимали у человека, а тот лишь благословлял руку, вырывающую его с корнем. До чего же слаб был человек, оскотинился по самое не балуй. Всем от шести лет и старше наладили учет, в определенной графе отмечая, кто к чему приписан. Так было проще.

Бывало, спрашивает учитель духовности:

– А сосчитай-ка ты мне наоборот от четырехсот семидесяти трижды! Или, не думая, шестизначное число произнеси. И где три раза ошибся, там и попался. Вот она – душа, спит и не ведает... А ее уже повели, как вола на заклятие. Вампир, оборотень, проклятый или пища... Преступность поползла вниз. Детишек теперь зомбировали насчет крамолы по душам. Бывали прецеденты, когда двое отпрысков из семьи вампиров, и тут уж кто кого переплюнет. И оба выходили болезненные и сыпались жалобы. Ее Величество решала спор простым способом:

– Кто докажет лучшие организаторские способности, тому и вампиром быть!

Естественно не в ущерб казне.

И начинались травля и бойни. Их и без того было немало, разминались вампирчики, точили зубки. Стоящие зрелища снимали на пленку, чтобы доказательство было на руках. Взрослые отпрысков журили и драли ремнем, понимая, что ничего путного из дитяти не выйдет, если не сумеет показать всем, какой он герой и право имеет носить высокое достойное определение. Молодому поколению нравилось играть во взрослые игры, не понимая, что, не достигнув половой зрелости, нельзя устроить свою жизнь по любви и с любовью. Детишки-проклятые вешались, топились, бродяжничали, прыгали с крыши. На погостах уже давно было не увидеть лица с морщинами. Не многие решались высказать несогласие, а точнее – никто. Но

решилась проблема нехватки учителей. И каждый старался угодить духовному лидеру. Пришлось срочно открывать дополнительные семинарии.

Да что там! Поначалу он и сам нежился в лучах славы, когда Святые Отцы причислили Царствующим Особ к Лику Святых, объяснив всем вопрошающим, что стоят они у трона Спасителя и имеют от него благоволие казнить и миловать народонаселение, а, следовательно, при жизни встали по правую руку Его и рука Его на земле. Устроенное в честь Их Величеств шествие приятно изумило: какое примирение между двумя народами – человеком и вампиром, когда вместе он богат и беден, сыт и голоден, обут и раздет. В страдании народном – сила народа: вы – соль, вы – крепость...

Много было сказано добрых слов. Но потом Святые Отцы как-то слишком уж часто начали намекать, что за Святость надо платить... Пришлось построить закрытую церковь при Государевом Суде, ввести в Народную Думу, взять в советники, в школы вот...

Еще одно государство в государстве...

Его Величество так задумался, что прослушал Ее Величество, которая мило ему улыбалась, стоя рядом со Святым Отцом.

– Запасемся терпением. У проклятой Зов, наложенный тобой. Поманишь пальцем, победит за тобой на край света. Я не бросаю тебя, я спасаю наш брак. Кто еще-то кроме тебя? Человека маг-вампир прочитает, оборотень в зверя превратиться, а вампиру не ступить на Проклятую землю. Через горы Проклятая земля не переступит, а нам и этой части хватит оставаться Величествами. Мне надо достать твою проклятую во что бы ни стало, до других мне дела нет. Убьем и забудем, а Преосвященство грех замолит.

Его Величество насторожился, отгоняя грустные мысли.

– Так если мою... тьфу... мерзость убить, я могу вздохнуть спокойно?

– Мы всегда так поступаем! – ответил Святой Отец, будто разговаривал с поленом. – Ловим и на костер. Если горит, замечательно, не горит – бывает, приходится попотеть. Так у вас драконы есть, вы ими престол унаследовали! Самое место и время их применить. Зря хлебушек ваш кушают? Это ж какая сила в них запрятана! Он сам и есть проклятие на проклятых. Благородный муж не устоит, а тут особь женского полу. Царствие на земле и на Небе силою превозможем! Да разве ж мы себя спасаем? В чем сила, брат? – Святой отец положил руку на его плечо. И сам же ответил: – В нашем братстве! – и перекрестил его перстом.

Точно также прозвучали слова из уст самого Спасителя Йеси, когда он и его жена были допущены к Нему на прием. Спаситель, перво-наперво, прочитал им длинную пространную лекцию о всяком своем слове. Ничего нового Спаситель Йеся не сказал: повторил свои притчи, выдвинул предположения, что могло бы значить то или иное высказывание, приравнял четыре послания апостолов то к четырем концам света, то обзывая зверями по роду, то к мужеству, мудрости, правде и целомудрию, то к заповедям, угрозам, правде и обетованиям... Некоторое время рассуждал о своем появлении на свет, наивно удивляясь, как у него появились четыре брата и три сестры, если Иосиф не познал мать его Богородицу, обвиняя Иосифа в тайном многоженстве, а матушку в наивности, которая до конца дней своих верила, что детей приносит аист. Долго смотрел на трехкратное свидетельство, которое гласило, что мать его и братья стояли вне стана, и уговаривали его идти с ними домой, и одно, что братья его не верили и издевались, как над дурачком, посылая явить себя миру и стать известным, если такой, как о себе говорит – потом тыкал в следующее и восклицал, будто проснувшись: вот! Говорю же, не знал я их! Если не слушали, какие они мне после этого братья? Пока Он говорил, старческий дрожащий голосок из гроба усиливался сводами амфитеатрального строения, множественно отражался во всех направлениях, слышимый и спереди, и сзади, и с боков, и в уши, и летел в глаза, и звучал шишкой на голове.

Да-да, слово у святых Отцов было живое, но из гроба. И учились они ему у святых немощных мощей.

С тех пор так и повелось, как он какое действие затеял, служители Спасителя тут как тут. Самым строжайшим образом накладывают запрет на все его мероприятия по восстановлению экономики и борьбе с казнокрадством. И получалось, все вкривь и вкось, чему он же оставался виновник. Так было и с дурной травой и порошками, ввозимыми для испития крови на расстоянии. Уж лучше бы свои пили, а доходы можно бы и на восстановление здоровья выпитых потратить, и учет наладить, и выбить, наконец, рынок из-под ног иностранных завистников. Так нет, Спаситель не позволял своим травить своих, пекся об интернациональных отношениях. Или те же пошлые женщины, которым тоже... и пенсию по старости вынь и положь, и здоровье поправь. Где они, с кем, кого милуют? А так бы и стаж трудовой, и сами себе на здоровье и на пенсию, и присмотр какой-никакой. Опять же, строгий учет. И не искал бы, кто его самого обласкает, да так, чтобы в поте труда своего трудолюбивая женщина не угодила к жене на стол.

Его Величество позволил себе немного помечтать: сильно хотелось, чтобы не одна, а пятеро бы мяли его в своих пальчиках. Почему другим можно, а ему нельзя?!

И снова недовольство Отцов – как обзывать женщину падшей, если сам не без греха? Оказывается, прелюбодеяние, ворожба, книжничество, взывание к мертвым могли не столько навредить сим занимающимся, сколько открыть грех, положенный вампиром на проклятого. Вот, например, пришел Благодетель удовлетворить нужду свою, а потом проклятая посмотрела на муку свою – и все, и нет болезни. Или, пришел Благодетель к ворожее, заговорила она ему на доброе, а тут проклятая посмотрела на нее, и нет ворожбы, подняла и повернула против Благодетеля. Или сколько вреда, сколько растления от книг в книгах открыли! Слово должно быть твердым, да – да, нет – нет, а если смешается слово, и увидит проклятый, кому да, а кому нет? Или, а ну как каждый покойник начнет рассказывать, кому в государстве жить хорошо, и отчего хорошо? Попил Благодетель кровушки, а покойничек раз, и обратился с могилки к народу, тыча пальцем в достойного человека... А там, глядишь, и Дьявол пожалует Царства свои показывать, камни рушить и уминать их до хлебного предложения, выменивая на Благодетеля? Да разве ж соблазнится проклятый Благодетелем, если перед ним Царство выложат, разве ж пожалеет, разве не потащит на жертвенник, если выгода на лицо?

Так и спускали любое решение на тормозах...

И как-то так всегда выходило, что Ее Величество только выигрывала от их вмешательства, оставаясь надеждой и опорой в отечестве, и Матушкой, и Заступницей. Взять, к примеру, золотую рыбку. Во все концы мира летели гонцы, о любом подозрительном и сверхъестественном происшествии докладывая – и народ ждал, верил, надеялся.

А ему... ему поверили бы так безоговорочно?

Вряд ли... Стали бы считать, в уме прикидывать...

Пожалуй, проклятая бы ему самому не помешала. Минут на тридцать... Помощников найти нетрудно – без Отцов и Ее Величества. Не дурак, усвоил. Теперь, когда он знает, что почем, он и один управился бы, не так уж сложно: как хотите, чтобы поступали с вами, так и вы поступайте – а словоохотливые помощники засвидетельствуют деяния, обращаясь к народу. А то слишком многие о себе пекутся. Случилось нечто – и вот, он не у дел. Вроде и не плохо, масса времени появилась на отдых, на развлечения, на удовольствия, но из всех удовольствий остались только карманные средства, которые выдавала ему Ее Величество на игорные заведения, сначала ежедневно, потом через день, а теперь раз в неделю. И на резиновые куклы. И ему оставалось из всех развлечений честно проигрывать подачку от «государства» за занимаемое им место при этом «государстве». В покоях ее постоянно толпился народ, то приходил, то уходил, то валялся в ногах, вымаливая заступничества от Его Величества... Пришли бы к нему, попросили, чего жене беспокоить? Еще немного, и он будет этому «государству» совсем не нужен – хоть самому падай в ножки. И упал бы, но не при Святом же Отце!

– Да, Ваше Величество, с превеликим удовольствием, – ответил Его Величество, приближаясь к жене и загораживая проход. К черту этого служителя, семь «я» – дороже! – Если не хватит достижений, зайдем у соседей. И дракону услужу. Но позвольте, милая жена, хоть к пальчику вашему губами приложиться!

Ее Величество сразу стала рассерженной.

– Это после того, что ты натворил, а я исправляю? – упрекнула она его, протягивая руку для поцелуя. – Все коту под хвост пустил, все, что дала тебе... Кстати, – она обернулась к Отцу народа и образцу духовности, – как там Котофей Баюнович?

– Вспомнил, Матушка, вспомнил! Тоненький еще голосок, и чушь какую-то несет о мадам Маньке. Но думаем, это от потрясения. Надеемся, что еще неделя, и на всех каналах порадует народные массы своими сказками и песнями, открывая долгожданную истину!

– А принесите-ка его, надо понять, что за чушь он там несет. Его Величеству полезно будет послушать, – приказала Ее Величество Святому Отцу, который при примирении супругов проявлять доброе расположение сразу стал обоим.

– Сейчас, сию же минуточку, Матушка! – кивнул головой служитель.

Святые Отцы кланяться избегали, не пристало. Если кланялись, то всегда спиной. Но шипящие в речи Отца слушать было приятно. Его Величество с усмешкой проводил Отца взглядом, положив руку на плечо жены – как в старые добрые времена. Он еще Величество, и пока на жену влияние имеет, пусть и не так, как раньше. Нет, любимая, царствовать одна ты не будешь! Его Величество нежно перецеловал каждый пальчик жены, чувствуя ее легкую дрожь. Теперь уже нежно, прижимая руки ее к своему сердцу.

Но насладиться близостью не удалось, кота внесли тут же, будто поджидали с ним за дверью. Может, так оно и было, Ее Величество любила кота безмерно, могла потребовать его в любую минуту. Такой обходительности и приятельских оболещений, какие имел в своем лексиконе Котофей Баюнович, ни у кого в государстве больше не нашлось бы. Чего греха таить, он сам не раз подглядывал за ними в щелку, записывал слово в слово, чтобы выучить и произвести на Ее Величество впечатление наедине. Разумеется, она понимала, откуда он это все берет, но не журила, а ласково гладила по голове, как своего кота, доставшегося ей от Матушки.

Но в последнее время ей было не до любимца...

Кот уже почти сформировался во взрослую личность. Шерсть его лоснилась, глаза зорко оценивали обстановку, ушки прижаты к голове, пятая лапа исключительно подражала хвосту, задранному трубой, хвост на голове уложен колечком на подобие пуховой шишечки-шапочки, придавая его лицу милое выражение. Ее Величество сразу бросилась к нему, забыв о муже.

– Мой Баюнович, а как подрос-то, как подрос! Дай-ка я тебя поцелую.. Мма, мма, мма! Сколько ж мы не разговаривали-то, дружок!

Кот замурлыкал в ответ, обращаясь только к Ее Величеству:

– Королева моя золотая, услада глаз моих, головушка светлая, лучезарная, царица полей, лесов и рек, ягодка моя садовая, простила ли ты своего котика? Мр, Мр, Мр...

– Конечно, конечно, Котофей Баюнович! Да могу ли я сердчать на тебя, что не уберег тебя изверг... – она подняла кота на руки, поглаживая за ушками, передавая его Святому Отцу.

Кто был извергом, сразу же стало понятно, как только кот пренебрежительно посмотрел на Его Величество, как на преступника, распушил пятую лапу, выпуская на конце острые когти. Его Величество слегка стусевался – он понятия не имел, куда отправился кот.

Интересно, каким образом он мог помочь ему облажаться?!

– Поведай, друг сердешный, расскажи при всех, как убивали тебя лиходеи, видел ли проклятую?

И вдруг кот фыркнул, выгнув спину, глаза его сделались большими, он прыгнул из рук державшего его Отца на каминную полку, перепрыгнул на шкаф, взбираясь на самый верх и царапая лаковой облицовку, до крови разодрав Святому Отцу лицо.

– Не усмотрел... Упустил, Матушка! Злая девка! Злая! Уж и била меня, уж и била! Избы плакали!

– Да как же... – Ее Величество растерялась. – Неужто, Манька тебя?!

Она развела руками и с ужасом уставилась на кота. Его Величество приблизился, понимая, что сейчас, пожалуй, пришел его конец. Жена впервые... нет, не впервые, но раньше не с таким испугом, произнесла имя проклятой. Он с тревогой ждал, слегка побледнев, мысленно помолвившись, чтобы амнезия кота оказалась неизлечимой. Кот вздрогнул, закатил глаза и свалился со шкафа, отчаянно мяуча. Минут пять он катался в истерике по полу, закрываясь лапами, изображая свое умирание, явно давая понять, что под каким-то тяжелым предметом, который был в руках у его убийцы, или сам он в руках убийцы. Наконец он остановился, встал на задние лапы и, по-прежнему продолжая рыдать, проговорил тихим жалобливым голосочком.

– Она, Матушка! Схватила меня, и ну давай раздирать на половины... Еле живой ушел...

– Да какой же живой, если дымом прилетел! – воскликнула Ее Величество, рассматривая кота пристально и с прищуром. – Как могла-то, ведь невозможно убить тебя человеческой рукой!

Кот на мгновение задумался и выдохнул:

– Так-так, золотая восходящая звездочка, Матушка-Благодетельница... Дымом... Не помню... А, так там еще старичок был, который на пороге догнал и кочергой меня, кочергой... – Котофей Баюнович заплакал, уронив несколько слезинок.

– А избы что же? Как впустили их? – гневно воскликнула Ее Величество, поднимая кота с пола.

– Тоже, ласковая ясная зорюшка, тоже... Промолчали и покорились! Склонились к преступникам! – он положил голову на ее грудь, высмаркиваясь. – И меня склоняли! Мол, Манечка... – кот остановился, перевернулся и запрыгнул на камин, скривился и блеванул оттуда комком шерсти, – чертей повымела, злодейские замыслы повывела... Похвалялась, разлюбезное Пресвятейшее Ваше Величество, Матушку вашу убить и на косточках повалиться... – кот задумался, страшно кося в сторону Его Величества. – Или убила и повалилась?

– Вот, что я говорил! – воскликнул Его Пресвятейшество, доставая из рясы белый носовой платок, прижимая к поцарапанной щеке. – Бредовое его состояние – не признак ли неудовлетворительного самочувствия?! Да разве ж такое возможно? А враги там были?

Кот задумался, почесывая пятой лапой у себя за ушами.

– Может, были, а, может, не были... Помню, стоял... На берегу реки... С кем же стоял-то я? Были, госпожа сердца моего, были еще демоны! Страшные, глаза – во! Ротище – во! А зубы... От голода слюна капала, всю шерстку мне изгадила! В траве я сидел, под лопушком... Вас, Матушка Благодетельница, видел... Во множестве... Шли вы по берегу...

– Что?! – взревела Ее Величество.

– Это водяной с русалками, – пояснил Его Величество, оправдываясь. Он снова ненавидел проклятую, которая покушалась на жизнь самых дорогих и близких. Что же за наказание-то?! И прикусил язык, вспомнив, как прореагировала его жена, когда он намекнул ей на удивительное сходство с водяными. – Я рассказывал...

– Господи, когда же она сохнет-то, когда загнется?! – вскричала Ее Величество, обратившись к небу. – Чем им Котофей Баюнович помешал?! Ведь милейшее существо!

– Свят! Свят! Свят! – перекрестился Отец церкви. – Очистим! Изгоним! Сию же секунду... Вознесем очистительную молитву, всем миром!

– А дальше-то что? Что еще видел, Котофеюшка? – нетерпеливо потребовала продолжения Ее Величество, не обратив внимания на Святого Отца.

– Тыкву! Вот такую! – кот широко развел в стороны лапы, почесав макушку. – Свалилась на меня, когда я в кусточке сидел! С дерева...

– Да вот, Матушка, разве ж тыквы на деревьях растут? – с вымученным видом, Святой Отец обратился к Ее Величеству.

– Там растет, я видел, – оправдал кота Его Величество. Но кот не удостоил его взглядом, продолжая вылизываться и паскудно поглядывать в его сторону, будто видел не его, а проклятую.

– Нет, Матушка, Царицушка славного государства, больше ничего не помню, не стану ложные надежды подавать! – кот утирал слезы передними лапами и сморкался на подол Ее Величества, спустившись на пол.

– А Манька-то, Манька, какова из себя? – поинтересовался Святой Отец.

– Глазищи – во! Страшные! Во рту огонь! Язык змеиный, ноги как столпы каменные, а руки... – и тут кот захворал, вытянулся, впал в горячку и замер, облезая шерстью.

Святой Отец склонился над Котофеем Баюновичем.

– Дышит? – поинтересовалась Ее Величество, вытягиваясь на цыпочках через плечо коленопреклоненного Отца, чтобы увидеть кота.

– Нет, Матушка. Самое странное в нем, – ответил Святой Отец, прощупывая пульс. – Никогда не дышит... И пульса нет!

– Валерьянкой напои, пусть проспит всю ночь. Завтра снова приведешь, – приказала Ее Величество.

– Слушаюсь! – ответил Отец, исчезнув с котом на руках.

– А ты, овца, похоже, закланная, – Ее Величество грозно повернулась в сторону мужа, зло сверкнув взглядом, – чтоб через три дня был у меня на докладе! Сутки туда, сутки обратно, полдня на поиски проклятой... Притащи ее! В твоих же интересах!

– А не боишься, что спущусь я к ней на крыльях дракона, и буду жить поживать и добра наживать? – усмехнулся Его Величество. Обида легла на чело, а сам он вдруг как-то сразу начал успокаиваться. К черту дворец! Три дня без постных и глумливых лиц хоть кому пойдут на пользу. Отпуск не состоялся, так хоть выходные проведет по-человечески. А там, глядишь, и голова прояснится, а то в последнее время мыслей много, а умных среди них нет.

– Спустись, полюби... Если сможешь, – усмехнулась Ее Величество. – Этот... Зов и Проклятие... они... Ненавидеть будешь до конца дней своих. Это она у нас объективная, ей никто другое и не оставлял, а ты... А ты, милый, магнит всему царству, – она тоже вдруг начала успокаиваться, меняясь на глазах. Вернулась уверенность, окреп голос, весь вид ее стал медово-сахарный.

И сразу Его Величество заметил, как одна из голов дракона заглядывает в дворцовое окно, и еще одна другого дракона смотрит через другое окно, и еще...

В последнее время это было не в первый раз, когда он внезапно улавливал присутствие и слежку драконов, когда один лишь их взгляд обращал жену в каменную скалу. Между ними было что-то общее, будто их связывали не просто служба и дружба. Драконы исподволь следили за ним, даже когда они с женой находились наедине в спальне, и она позволяла им положить голову на постель и гладила ее, забывая иногда о нем, но раньше он почему-то не обращал на это внимание, не помнил о них, не смущался и не придавал значения их присутствию. Сразу стало не по себе. Он навалился на стол, чтобы не упасть, когда закружилась голова и подкатила тошнота.

– Представь-ка другую-то на моем месте... – долетел до него голос Ее Величества, вернув в кабинет. Головы драконов исчезли, и он уже не был уверен, что видел. Хотя... Клыки Ее Величества открывались ему точно так же, вдруг, на мгновение, будто он проваливался в другую реальность. Голос жены звучал пространственно, будто она говорила и в нем самом, приходил снаружи и поднимался из глубин, вибрируя, когда проходил сквозь него, вызывая приятную истому и разливаясь благодатным огнем.

– Представь, представь! То-то и оно. Я знаю, как покажется она тебе, видела, полюбовалась на своего – хуже нет никого. Я тебе и душа, и жена, и Царица... Пора бы уже начать объективно мыслить. А то я по-всякому придумываю, как уберечь нас от беды, а беды-то, поди, и нет никакой... Надеюсь, справишься с собой, не убьешь ее сразу... – она замолчала, прошла к дверям, и, уже открыв ее, обернулась и приказала: – И дракону исполнишь, о чем попросит! – и сразу же твердым шагом покинула его кабинет.

– Слушаюсь и повинуюсь, Госпожа моя! – ответил Его Величество тихо, провожая ее взглядом.

Сердце кольнуло, но почему-то в правом подреберье. Да, жена имела над ним неограниченную власть, как и над всеми, на кого обращала свой взор. Он уже не надеялся на благополучный исход примирения. Она была права, как всегда: он стал бы искать встречи с проклятой лишь для того, что снять с нее шкуру. Вампиры ненавидели человека, особенно человека, с которым он был повязан, и всякий раз встречи заканчивались или побоями, или летальными исходами. Предостережение жены было вполне обоснованным. После такой встречи внезапно на лице вампира начинали проступать те же черты, что и у проклятого, поворачивались к вампиру направленные на проклятого болезни – и никто не мог этого объяснить. Убийство, даже с приятными словами, все же оставалось убийством. Поэтому вампиры избегали встреч с проклятыми, как с зараженными чумой.

Его Величество почувствовал, как возвращается досада. «Сдохнуть мне что ли?!» – подумал он с тоской. И тут же поймал себя на мысли, что так думать мог только проклятый. Несомненно, он завидовал жене. Зависть была осознанной, он не чувствовал ее, он знал, что именно таким, как жена, хотел бы стать, чтобы предстать перед народом. Почему проклятие не действовало на чудовище? Кто помогал ей справиться с ним?

Тоска стала еще сильнее, когда он обратил мысли на жену.

Именно она допустила, чтобы проклятая стала ему могилой и западней, а теперь отворачивается. Он поднял их на такую высоту, о которой другие не смели мечтать, и вот, все разваливалось в пух и прах, утекая между пальцами. Будто не чувствовала, что он все тот же, и сердце его, как драгоценный алмаз, трепетно сохраняло великую любовь, которую он познал ипил, как напиток богов, пылая бесконечной нежностью, которая разливалась во всем теле, искрилась и играла всеми гранями. Будто не видела в нем этой любви, будто не слышала, как он зовет ее и тянется к ней. И это была не ревность, она оставляла его, бросала голодной своре, на которую он уже не мог прикрикнуть, ибо она встала между ними.

«Проклятую надо убить! – твердо и спокойно подумал он, без малейшего сомнения. – Но убить так, чтобы превозмог вампир!»

Из своего кабинета Его Величество приказал приготовить ему еды на неделю (Слава Богу, наконец, поест по-человечески), теплую одежду и дракона. Потом быстрым шагом прошел чрез приемную, бросив ожидающемуся его человеку с бумагами «После!», выскользнул в коридор, спустившись по потайному ходу на лужайку перед дворцом, где его уже дожидался экипированный и оседланный дракон.

Глава 3. Проклятая земля

Дракон летел быстро. У полуразрушенного древнего города, над которым они пролетали, он снизился и пролетел так низко, что почти задел крылом высокую башню превосходно сохранившегося здания. Всеми двенадцатью головами он высматривал что-то на земле, пугая туристов и охранников. Люди разбегались в разные стороны. Людей, приветствующих дракона, почти не было, разве что лоточные продавщицы. Его Величество город тоже рассматривал с любопытством, до этого он видел его только на фотографиях. Руины возносились к небу в виде огромных статуй, колон, когда-то великолепных дворцов, ныне с просевшими и обвалившимися крышами и стенами. С высоты город казался огромным. Как его не заметили раньше, оставалось загадкой, тайна хранилась у всех на виду. Раскопки велись в ускоренном режиме, пока в тех местах, где своды подземелий быстро обрушивались, вымываемые водами. Укрепляли каменные и кирпичные кладки, чтобы дать городу новую жизнь. Рук не хватало, но не каждый желающий мог стать участником экспедиции – тут оставалось еще много добра, и до полной их оценки было далеко, случайные люди могли развратить проверенных или сплотится и образовать бандитское формирование, которых в государстве было немало. И тогда все клады скоренько окажутся вне пределов досягаемости, где-нибудь в подвалах коллекционеров того же Три-пятнадцатого государства.

– Мне нужно туда! – сказал дракон, обернувшись к нему тремя головами.

Его Величество подсчитал: если дракон задержится, то к обозначенному сроку они не успеют. Супруга дала ему не так много времени. Попасть в Проклятую землю нужно было днем. Мало приятного заблудиться в зарослях и застрять там, вызывая подозрение. Он досадливо поморщился.

– Нет, – твердо сказал Его Величество. – Уже ночь почти, что мы там увидим? Ждать до утра я не могу, времени нет. К утру будем в земле, до изб полдня и обратно полдня, ночью вернемся, а послезавтра у нас в распоряжении будет целый день. Осмотрим город на обратном пути.

– Нет! – сказал Дракон. – Я спускаюсь.

Его Величество в отчаянии выкрикнул, понимая, что теряет последнюю надежду услужить Ее Величеству.

– Ночью, я не смогу вернуться от земли, ты что же, предлагаешь мне остаться там на ночь? Если мы переночуем здесь, а завтра с утра осмотрим город, мы прилетим в Проклятую землю только ночью. Еще не известно, что меня там ждет! Не забывай, ты сыт взглядом Ее Величества, но пищу даю я! – напомнил он твердо.

Дракон не ответил – захохотал и взмыл ввысь. Его Величество облегченно вздохнул, доставая карту, не обращая внимание на смех: дракон часто вел себя с ним подобным образом – невразумительно. И потом, когда обижался, лишь снова поднимал его на смех.

На этот раз Его Величество решил не давать дракону повод.

Ему удалось как следует выспаться, пока дракон летел над пустынной дорогой мимо гор. Он пробудил, когда заалел горизонт. Проклятые земли обходили стороной, никто не спешил в ту сторону, разве что с другой стороны, там, где раньше были Мутные Топи. А к расположенным вблизи селениям пробивали новые дороги, чтобы оградить местное население от влияния бунтовщиков. Лишь однажды, когда они почти долетели до места, ему показалось, что он увидел костер, и мелькнули тени – и дракон, обернувшись, предупредил:

– Тут они были, я видел свет...

– Не удивительно, не сидят же они на месте! – ответил Его Величество, рассматривая местность через бинокль, не заметив ничего подозрительного.

Костер оказался лишь игрой теней и отблеском зарева в небольшом ручье. Но следы указывали на то, что предатели вернулись в Проклятую землю, и изредка покидают ее. Скорее всего, ходили в селения, которые были неподалеку, на их наличие указывали сжатые поля и выкошенные луга, которые пестрели стогами сломы и не полностью вывезенного сена. Мало ли что понадобилось – соль, сахар, спички...

– Хм, там везде оборотни, мы бы уже знали... – не согласился дракон, пролетая теперь над дорогой зигзагами, чуть медленнее.

Проклятая земля увеличилась раза в два, а то и в три... Дракон обогнул ее по краю со стороны гор, остановился, зависнув в воздухе. Не имело смысла осматривать всю землю, и так понятно, что и там, на востоке, она увеличилась в размере. С высоты граница ее четко просматривалась. Заметив избы и убедившись, что они все еще на месте, дракон опустился. Проклятая земля уже обогнула со всех сторон озеро и захватила подножие гор, ему пришлось выбирать для себя место на горе. Но зато отсюда край луга у реки и лесной массив просматривались, как на ладони.

– Тут же еще нет ничего, мог бы и ближе подобраться, – недовольно проворчал Его Величество, сбрасывая рюкзак и спускаясь по лапе.

– Нельзя! – прорычал дракон всеми двенадцатью головами. – Тут заканчивается огонь, который уходит вглубь горы чуть севернее, – он кивнул одной из голов, указывая направление, внимательно изучая местность остальными.

Видимая граница была лишь следствием проявления силы, которая поднималась из-под земли много дальше, охраняя подступы к озеру и реке с обширными лугами по обеим сторонам. Без сомнения, огонь поленьев разогревал землю. Изобилие сочной травы приманивало стада животных, а за ними хищников. Имея непостижимое человеческому глазу зрение, все его двенадцать голов видели одно и то же. Но даже ему, имея перед глазами свершившийся факт захвата земли странным поленом, было трудно поверить в увиденное. Всего один человек – и огненная стихия вырвалась на волю...

Как мог один человек сокрушить тысячелетиями установленный порядок?

Глухая тоска изъедала его внутренности, и он, кажется, отпустил бы боль на волю, если бы вылупился хоть один детеныш. Проклятый человек, который должен был дать потомству крылья, подняв их в Небо, убивал одно яйцо за другим, упреждая его появление.

Будь проклято это полено!

В последнее время он, как и его союзники, не испытывал к Его Величеству ничего, кроме неприязни и плохо скрытого раздражения. Хозяин... скорее, раб госпожи, или жены, его жены, дракона, которая открыла ему чрево, был туп, необразован, непослушен, а еда не сытной, пресной и ядовитой. Хорошо, что раб не знал о договоре, который связал их обоих до смерти, принудив служить госпоже до последнего вздоха. Она была самкой, которая оплодотворила яйца, а он отложил их в чреве раба. Если бы не договор, который уже полностью овладел им, он давно бы поменял хозяев, или захватил трон, убив обоих. Бывали времена, когда дракон вырывался на свободу – и вся земля становилась как место, над которым он был поставлен. И не только люди, но и вампиры трепетали при одном его имени.

Пока не приходил проклятый человек, и не приносил несчастье...

Как-то вдруг, когда казалось, что нет ни малейшего шанса вынырнуть из тьмы веков, один из миллиарда живых и мертвых таких же проклятых... Даже драконы не могли объяснить, как поднимал он знания, которые уничтожались веками между их пришествиями. И стоило им появиться, как они снова и снова шли к тому месту, где лежали поленья, как будто притягивались магнитом. Остановить его он мог бы – так уже было, если бы выманить его из Проклятой земли, но такие проклятые отличались повышенной прозорливостью, зачастую предугадывая

опасность. Оставалось выманить с помощью вампира, бросая его проклятому человеку, который единственный мог проникнуть на запретную территорию, чтобы они разобрались между собой сами.

Дракон усмехнулся, взглядом одной из голов обласкав Его Величество, который собирал в дорогу рюкзак. Старая карга вынесла хороший урок, забив вампира, которого они ей привели, насмерть. Немного прошло времени, когда ужас поднятого в Небо вампира настиг ее саму, обратив в свинью. Злобная тварь наступила на саму себя. Не лучшая участь ждала и тех, кто соблазнялся посулами вампира, обращаясь с ним, как с костью земли. Капать на мозги вампиры умели. Когда на земле не оставалось человека, земля начинала остывать. Вариант был беспроигрышный. Через сорок лет от земли оставались лишь булыжники и поленья.

Вампиры обычно хоронили их в тайных недоступных местах. Сначала топили. Но случилось то, чего не ожидал никто: драконы вдруг начали засыпать один за другим на века, и вроде бы были тут, среди всех, но их никто не видел и не чувствовал, кроме драконов, которые бодрствовали. Точно между драконом и поленом была какая-то связь. А когда сообразили, драконов почти не осталось. И сразу испугались – не всякий вампир готов был отказаться от услуг дракона. Дракона могла удержать единственная клятва – клятва на полене стать вампиру женой или мужем, чтобы произвести с ним потомство.

Он уже отложил яйца, и госпожа оплодотворила их, оставалось лишь поднять детенышей в небо...

И вдруг наступила тишина, и пустота... источник силы иссяк. И потомство гибнет.

Там, где текла река крови, теперь вода, ядовитая, как слюна дракона. Как выпить проклятую, если она стоит на клятве ногой, если ее жало, как зуб дракона, и каждый укус достигает цели от края земли, а раб, который носит в себе потомство, не может его защитить?!

Его Величество почувствовал, что дракон на него зол.

Дракон всегда на него сердился, когда ему удавалось настоять на своем. Странно, что каждый раз, когда скрещивались интересы дракона, Ее Величества и его собственные, он считал себя виноватым и тяготился своей виной, сдаваясь первым. В последнее время драконов он начал побаиваться. Он вдруг осознал, что один их взгляд превращает его в растение. Они постоянно следили за ним, исподтишка, словно бы управляли им. Но влияние их несколько ослабло, и он вдруг понял, что не цепенеет, как раньше, замечая, как приходит к нему чужая воля, выкачивая силу, заменяя одно содержание мыслей на другое, как когда заметил их в окне своего кабинета.

Слегка испугавшись драконьего гнева, он торопливо буркнул «спасибо» и шагнул на спасительную территорию, углубляясь в заросли.

Спасительная ли? Он шел в стан врага...

Примерно через два часа пересек гряду холмов, прилегающую к озеру, которая преградила ему путь, еще час шагал вдоль берега озера и, наконец, оказался там, где впервые увидел проклятую землю. Здесь ненадолго остановился, всматриваясь в глубину леса, который звенел голосами. Стояла душная жара, как в середине июля, в теплой одежде он сразу пропотел, по спине потекли струйки пота. Но беды пока ничто не предвещало, земля не сделала ни одной попытки задержать его.

«Нигде такого нет!» – подумал он, выбирая место для завтрака, снимая с себя теплую куртку, залюбовавшись полевыми орхидеями, яркими люпинами и маком.

«Почему ее называют Проклятой землей?» – задумался он, недалеко от себя заметив кусты малины, которая еще цвела и плодоносила. Неподалеку молодая яблоня с сочными плодами, обвитая плющом и хмелем, нагибалась молодыми ветвями до самой земли, по всей опушке рябины, с кистями оранжевых ягод, и орешник.

Люди здесь бывали: едва приметная тропинка со следами человеческой обуви вела вдоль опушки, многие кусты были поломаны, но в лес не заходили – тропинка обрывалась и сворачивала в сторону. Значит, предатели могли легко завербовать сторонников, которые добудут сведения и снабдят всем необходимым – и укроют, если придется прятаться в другом месте.

Его Величество попробовал ягоды на вкус.

Яблоки оказались кисло-сладкими, сочными. Натуральный продукт прокатился по пищеводу, не вызывая ни рвоты, ни поноса. Яблоки ничем не отличались от тех, что он ел во дворце, может быть, даже вкуснее. Он сбросил с себя рюкзак и вынул из него завтрак, уложенный в контейнер. Повар постарался на славу. Тут были запеченные мясные антрекоты, политые грибным соусом, с кусочками заморских фруктов, суп-пюре с белым вином и рыбой, термос с кофе. Кофе он выпил сразу две кружки, от супа избавился, но с удовольствием съел антрекот и доел яблоко. Потом собрался, шагнул под сень деревьев – и замер.

Лишь пара сорок, заметив его, сорвались с места и унеслись в глубь Проклятой земли. Молодой лес за лето успел подняться, буйно разрастаясь. В нем совсем не чувствовалось дыхание осени. Многие, на первый взгляд привычные деревья и кусты удивляли обилием цветения, уживаясь друг с другом, заполняя участки, на которых в обычное время не росли. Даже мох здесь был какой-то особенный, слишком зеленый и высокий, а редкий папоротник достигал размеров куста в рост человека.

Чуть дальше – и голова его пошла кругом.

Многим растениям здесь было не место, многие – не имели названия, будто он попал в густонаселенные джунгли. На него никто не обращал внимания – снующие по своим делам животные, натаптывая целые тропы, пробегали у самых ног. Он едва не столкнулся со стадом диких свиней, похрюкивающих и выискивающих в земле сочные корни и трюфели, брезгуя орехами, которые в изобилии осыпались рядом, грибами и ягодами, которые хрустели под ногами. И невольно пришли на ум рассказы о местах, зараженных радиацией.

Он шел долго и быстро, почти бегом. Лишь один раз ему показалось, когда резко обернулся на громкий хруст сухих ветвей, как некоторые деревья вдруг отступают вглубь леса, когда он проходит мимо. Стало не по себе, и он прибавил скорость, внезапно сообразив, что предатели могут иметь представление о маскировке. Возможно, оборотни не чувствовали следы, потому что маг умело использовал парфюм, чтобы скрыть свое присутствие.

Обширного открытого пространства на берегу реки, продираясь сквозь густые заросли, он достиг лишь часа через два, остановившись у самого края опушки. Он словно попал в сон, изумленно рассматривая преобразившийся обширный луг (скорее луга, тянувшиеся по берегу реки), который видел несколько месяцев назад.

Война обошла эти места стороной. Здесь стало еще красивее и сытнее, чем в первый его приход. Избы паслись неподалеку, у противоположного края поля, по очереди прохаживаясь взад-вперед, оставляя после себя борозды.

«Пашут! – догадался Его Величество и сразу почувствовал горечь. – Жили бы рядом с дворцом, никто бы не заставил работать! – сокрушенно подумал он, невольно подсчитывая урожайность. – Жиреют тут... Столько добра пропадает, а люди и вампиры голодают!»

Никогда ничего подобного он не видел – досада его лишь усилилась.

Ближе к берегу, в том месте, где он останавливался в первый свой приход, не доставая тенью небольшого озера и разукрашенного колодца, рос большой дуб, увешанный желтыми наливными плодами, но не раскидистый, а устремившийся каждой своею ветвью в небо. Недалеко от него, как раз посередине между колодцем и плодоносящим дубом возвышался небольшой навес, дыряво прошитый досками. Рядом – открытая летняя печь из камней и кирпичей и длинный широкий резной стол с удобными вместительными скамьями с четырех сторон. Туда он и направился, в надежде, что его заметили и не преминут выйти навстречу.

Он двигался медленно, старясь подавить животный страх: воспоминания о саблезубом охраннике колодца с живой (а может, мертвой, как считали вампиры) водой были еще живы, и глаза непроизвольно шарили по сторонам, выдавая волнение. Быть растерзанным каким-то хищником в его планы не входило, предстать перед предателями он желал как грозный Царь, но ноги с каждым шагом слабели, путаясь в траве, и походка его вряд ли показалась бы уверенной.

Казалось, пряные травы и всевозможные овощи зачались здесь от самой земли. Семена будто смешали и рассыпали, и они росли сами собой, как дикая сорная трава. Глаза его стали еще круглее, когда он чуть не запнулся за утонувший в широкой розетке листьев ананас. Продираться приходилось через заросшее сорняками поле капусты, достигающей размеров плотного бочонка, а цветная, уже на капусту походила мало, доставая пояса.

Похоже, кроме зайцев, коз и зеленых жирных гусениц никто ее здесь не ел. Дальше началась спаржа и лук, фасоль и горох, бамбук, и что-то похожее на коралл.

Предатели не бедствовали...

Заросли помидорных кустов, опирались на высокие стебли бамбука, висели, как яблоки. Изнемогали под тяжестью плодов, ломались от ягод сливовые и вишневые кусты, огурцы обвивали тонкие рябины. Дыни, арбузы и толстые кабачки валялись на земле, как поросята. Удивляясь выживанием, стелились и поднимались виноградные лозы, опираясь на черемухи, рябины и забор из лыж. Наливались спелостью пшеничные и ячменные колосья, занимая целое поле, и, казалось, начинаются они чуть ли не от земли – зерна были ненормально крупные, ядреные, сыпались в ладонь от малейшей примятости.

И снова грядки с овощами, а дальше – поля цветочные и плодово-ягодные кусты...

Чуть поодаль от огорода мирно паслись животные. Стада рассыпались вдоль реки, пощипывая травку и стряхивая назойливых мух и оводов. Буйволы, олени, овцы, козы, лосихи и сайгаки, будто не замечали ленивых хищников, которые или грелись на солнце, или играли между собой, отгоняя зверей от посевов пшеницы. Его Величество заметил несколько коров и лошадей, удивился пестрым зебрам, которых здесь никак не могло быть. Но, пожалуй, не только их не должно было быть – на реке плавали птицы, которые, очевидно, забыли, что им пора собираться в дальние края. Пара лебедей дралась с огромной сиренево-красной птицей за разорванную тушку лосося. Рядом пробежал горный козел, метнулся в его сторону и отскочил, заорав, будто его собирались зарезать...

По всем стадам тут же пронеслось смятение, и хищники насторожились, недобро поглядывая в его сторону. Его величество замер, похолодев от страха.

«Охотников на вас нет! – с неприязнью подумал он, пробираясь к навесу, не без иронии поймав себя на мысли, что, если здесь появится человек, от этого места через неделю останутся лишь легенды.

Из воды высунулся водяной, вылез на берег, слеповато щурясь на солнце, пошлепал к избам, которые повернулись к нему передом.

«За пирогами!» – мелькнула догадка.

Но скоро водяной вышел без подноса, а избы захлопали ставнями, защелками и замками, угрожающе приблизившись к тому месту, где стоял Его Величество, остановившись на краю поля.

«Меня встречают!» – усмехнулся он, немного повеселев. Дома, очевидно, никого не было. От сердца сразу отлегло. По крайней мере, заклятия накладывать некому.

Интересно, где же они пропадают?

Поведение изб его несколько расстроило: избами его не соблазнишь, по сравнению с дворцом, они выглядели и маленькими, и суковатыми, с растительностью на крыше, из угловых бревен торчали ветки, покрытые листьями и цветами – но стало обидно, все же не чужие...

Водяной на этот раз не ушел под воду, а прошлепал в его сторону, присвистнув.

И вдруг одно из деревьев, мимо которого он только что проходил, зашевелилось, и к водяному присоединилось не менее страшное и уродливое существо. Его Величество слегка струсил, насторожился, сообразив, что в отсутствии чудовища и ее поделщиков, эти двое, наверное, были за главных... Спрятал подрагивающие руки за спину, шагнул в их сторону, слегка наклонив голову в знак присутствия.

– С чем пожаловал, ваше-с-тво? – по-змеиному прошептал водяной.

– Да вот, думал урожаем у вас разжиться, – развел руками Его Величество, улыбнувшись во весь рот белоснежных зубов, над которыми долго трудился царский стоматолог. – Хотим показать народу, что вы... как бы это сказать... не страшные – и добросовестные налогоплательщики... – ласково и вкрадчиво проговорил он, не выпуская из виду кряжистого.

Завалить его эта деревяшка могла легко, ростом корявый был на две головы выше и при его несурзости двигался легко, слегка пружиня.

– Не дождетес-с-сь, шлем-с привет-с казне, что еще-с-с? – водяной прищурил оба глаза, продольные зрачки у него сузились в тоненькую полоску. Теперь он и в самом деле походил на змею, но серовато-зеленые толстые скрученные волосья с остатками тины и руки с межпальцевыми перепонками сходство сводили на нет.

– Повоевали, пора контакты налаживать... – Его Величество постарался улыбнуться, но понял – не получилось. – Зачем, когда можно дружить! Я смотрю, народу тут у вас не густо.

– С вампирами что ли? – насмешливо проговорил водяной обычным, непривычно высоким и звенящим голосом, потеряв в говоре свист.

– А Мани, Мани разрешение есть? – с издевкой прогудел кряжистый, словно засвистел ветер.

– Так это... – Его Величество растерялся, не ожидая, что водяной и кряжистый поставят проклятую на первое место. На мгновение он потерял дар речи, продолжая наивно и доброжелательно улыбаться. Подозрения его, совершенно нелепые мысли, которые иногда приходили, когда в одиночестве он думал о проклятой и старике, вдруг самым неожиданным образом получили подтверждение. – Второй раз прихожу, а нет ее... Не одни вампиры среди племени нашего живут, – обиженно добавил он. – Я Царь, и обязан думать обо всем народе. Не было бы Царя, кому бы в голову пришло проводить реформы?! Уживаемся. Никто не жалуется.

– А кому у вас там жаловаться? – усмехнулся водяной, не спуская с него глаз. – Не-а, народу на волю никак нельзя, буйный становится. Перевероты, революции... А так, как только крамола – в ум, отрезал голову – и нет крамолы. Без пригляда за всеми крамола вылезает как-то вдруг – из тайной – сразу в явную. Хи-хи-хи... – ядовито хохотнул он.

– По делам она... Люди пушай, людям смотреть можно, – сказал кряжистый, одернув водяного. – По-деловому. Дадим мы...

– А рыбоньки не желаешь ли? – похлопал глазами водяной, обращаясь к Его Величеству, явно не поддерживая кряжистого.

– У вас и золотая водится? – пошутил Его Величество. – А то супруга заела, золотую рыбку просит. Ума не приложу, где достать, как достать?

– Нам-с ваша-с проблема известна, наемни не имеем-с, а как получим, сообщим-с-с... – водяной обратился к кряжистому: – Один раз посмотрели-с, воевать пришли-с-с..

– Осознали! Исправились! – торопливо проговорил Его Величество, оправдываясь.

Он слегка наклонил голову, скрывая усмешку. Подобный образ мышления был и у людей, но не у вампиров. Похоже, согласия между двумя обитателями земли не было, а дипломатию и ее тонкости ни тот, ни другой не изучали, говорили при нем, напрямую, не успев договориться заранее.

– Мы же не поняли, с чем столкнулись, – он присел на краешек скамейки, заложив ногу на ногу. – Не мудрено. И нас понять можно! – покаялся он. – Вы... как бы это сказать... не совсем

законно оккупировали неприкосновенные государственные земли, нарушая территориальную государственную целостность. И мы не можем допустить... Вся соль в том, что...

– Мы соль солью не солим, чтобы солонее осолить. Всякая соль сама по себе червь. Не всякого солью солите, кого-то огнем, а кого-то солью... Но соль, она и есть соль – соль в человеке, милый, это подагра, артрит, ишемическая болезнь и засохишие почки... Ибо червь, хоть с той стороны огнем, хоть с этой солью. Лучше шепотка соли на столе, чем запасы в костях. Не должен иметь человек в себе соль, а соль на земле – пустыня. Это наша земля... – недовольно перебил водяной. – Границы нужны не человеку, а вам, чтобы держать человека в неволе. Стало быть, поумнели?

– Государство в государстве, – возмущенно парировал Его Величество. – Далеко собрались разрастаться? – поинтересовался он, внезапно осознав, что палец им в рот не клади. На соль наступил – и прогорел.

Неожиданно столкнувшись со скрытой враждебной идеологией, он почувствовал себя не в своей тарелке. «Ибо всякий огнем осолится, и всякая жертва солью осолится» – и в самом деле, как-то он раньше не подумал, что один огнем, второй солью, а соль-то, так и так на себя самого...

– Что такое государство? И что такое граница? – покачал головой водяной, прищелкнув языком.

– Это жизнь, это быт, это уклад, язык, общество, закон... – нахмурился Его Величество.

– Жизнь сегодня у вас, Вашество-с, есть, а завтра бабушка надвое не скажет. Бытовуха она и есть бытовуха – как положил вампир, так и покладена. Язык переставляется с место на место языками незнакомыми и тайными, а они для всех звучат одинаково. Общество у человека – он сам. И законен ли ваш закон, если Закон не соблюдает? Высмеивался человек рабством, и будет высмеиваться. Была земля, и были народы, и ходили друг к другу в гости. И говорили, здесь земля Петрова, здесь Иванова, а там Сидорова. А земли их называли краем земли. И ходили по земле странники, и смотрели, и учились, и учили, и не гнали чужеземцев. Но вот пришел вампир: и увидел – хорошо Петрову, Иванову и Сидорову. И пожелал он землю их, и самих их, чтобы работали на земле, и другие вампиры не отняли, установил границу и законы, которые охраняли бы его.

Царь, пошевели мозгами!

Вся земля наша, от края до края – мы духи ее. Любим, когда на нас работают. Закон у нас свой, Он при создании мира в Тверди высечен. И по Закону тому, ты можешь считать себя нашим имуществом. Ну, или... большим человеком. Язык наш, может, сам по себе допотопный, но говорят на нем и черви, и огонь, и мы, и земля, и соль... Для нас он не тайный, владеем мы им в совершенстве – и страшно правдивый. По себе знаем, наступи на границу – и нет границы.

– Ты это... сними мудаило с головы... Он мне как быку красная портянка! – кряжистый набычившись смотрел на Его Величество, но не на лицо, а куда-то перед лицом в пространство. – Я Паркинсоном не страдаю, ну, раз помолился, ну, два... Что бьешься головой?

– Сейчас Маня постучит им о дерево... – хохотнул водяной, и оба усталились на Его Величество.

Прошла минута тревожного ожидания. И вдруг как-то разом расслабились.

– Ну вот-с-с, я же говорил-с! – просвистел водяной. – Теперь какой есть-с-с... – акцент у него снова пропал. – Смотрю на тебя – ума нет, земли нет, чем пришился к Манюшке нашей?

«Они маску увидели!» – догадался Его Величество и покраснел. С такими дипломатия, пожалуй, уже и не наука...

Что!?!

Его Величество вздрогнул – проклятая сняла маску?!?

Продолжая улыбаться, он похолодел. Быть голым на виду у вампиров – равносильно самоубийству. И побледнел, наверное, впервые осознав, что проклятая точно так же держала его в руках, как он ее, насылая заклятия. Заклятия он никак не чувствовал, не ощущал. Обычно проклятые так же не чувствовали Зова и клятвы вампиров, но последнее уже вызывало сомнение.

– Наследница богатая знатной плеточкой охаживает, – хохотнул кряжистый, толкнув водяного в бок, – чтобы, не дай Бог, подол нашей Манюшки не выпустил... Бедному без богатого не достать Благодетеля! – оба покатались со смеху. – Жучками с нами решил обменяться... – он махнул сучковатой рукой, утирая корявым пальцем уголки глаз, будто смеялся до слез. – Выбирай, какие тебе больше по нраву? У нас есть и с тылу, и спереди, и с боков, и исподнизу, и на навоз, и на мертвечину, и те, что по коре и под корой... Убежать не хочешь? – несколько озадаченно спросил кряжистый, отступая в сторону и освобождая дорогу к опушке. – Тучи надвигаются, с минуты на минуту ждем...

– Я?! – Его Величество подавился слюной.

Он и убежал бы, но решил, что дать им урок стоило. Сознаться, провалиться сквозь землю хотелось. Обычные вампирские штучки на них не действовали. Оба господинчика дали понять, что не собирались выслушивать повести о нем от него самого – знали, или делали вид, что знают. Неудивительно, что чудовище здесь прижилось – одного поля ягоды.

Поди, и проклятие снимать учили...

Его Величество снова похолодел, нащупав в кармане жучки – тут же отбросил мысль сунуть их куда-нибудь.

Неужели его догадки верны и вампирами правит тот старик и проклятая?

С сожалением бросил взгляд в сторону изб – все же, жены имущество. Избы, не обращая на него внимания, продолжали распахивать поле. Получалось у них ловко.

– Ну что ж, ваша воля, хозяин барин. – сказал он с сожалением. – Тут у вас все падает и гниет, а вы чуток пожалели?! Для людей?! Для человека?! Ведь не для себя! Для меня ваша продукция, знаете ли, отрава! Но человеческому племени не вечно голодными ходить. Я, можно сказать, жизнью рисковал, спускаясь в вашу... в ваши уголья! Мы согласны пойти на мировую и закрепить ее за вашими людьми.

– И те яблочки? – водяной ухмыльнулся, хитро подмигнув и кивнув в сторону дуба не дуба, а не яблони.

Его Величество заметил, как кряжистый торопливо наступил водяному на ногу.

– Бери, – сказал добродушно кряжистый, но доброты в его голосе не прозвучало. – Все бери, что плодоносно. Но к тому дереву, – он указал на дерево посреди поляны, – близко не подходи! Это Мани нашей молодильные яблочки! С вами, с вампирами, без них долго не прожить. Сам понимаешь, бегать нам за тобой неохота и времени нет, чтобы на нежить его тратить. Насобираешь, сложишь туда, – кряжистый указал на расписной широкий и длинный стол, которому позавидовали бы во всяком дворце. – Я проверю! – предупредил он и проворчал недовольно: – Надоели вы с вашей продолжительной жизнью!

Его Величество насторожился: проклятая, похоже, жила тут, как в сказке. Изба есть, огород... Захочешь помереть с голоду, не помрешь. Голая пойдет, никто пальцем не ткнет, и не замерзнет. Пожалуй, так никогда вампиром не станешь! Если у нее молодильные яблоки, она запросто переживет хоть какого вампира...

Он чуть слезу не пустил от досады – здесь ее с такой охраной не достать.

Оставалось выманить...

Если наплетет про любовь, про цветы, про сопли с сахаром – душа все ж – вдруг соблазнится?

– Не дано ни люду, ни вампиру с него есть, – вкрадчиво и с умилением произнес водяной, с любовью бросив взгляд в сторону дерева, в голосе его сквозила гордость.

Кряжистый опять наступил на ногу водяному, и тот виновато замолчал, будто нашкодил. Кряжистый махнул рукой, простонав в его сторону «э-эх!», и пошел прочь, остановившись у дерева и постучав об него, потом обернулся и посмотрел на Его Величество.

– Ай да гость дорогой. Ай да гость! – прищелкнул он языком. – Что Маня, то Маня, да Манина мука. Попотчует гостя да девушку багряницу!

Дерево зазвенело в ответ, листва его зашумела от ветра, ветви опустились и встряхнулись, и опять поднялись высоко – тянись-тянись, не достанешь, будто кряжистый разговаривал не с ним, а с деревом. Несколько яблок упали и покатались по земле в разные стороны, как золотые солнышки, налитые желтым огнем.

Кряжистый вернулся.

– Не желаешь ли с нами откушать, добрый молодец?

Его Величество пожал плечами. Пожалуй, он бы поел чего-нибудь, времени после завтрака прошло много. А хотя бы тех же пирогов избы...

Но водяной склонился над арбузом, простукивая его.

– Ай да голова! Или поболее? – он посмотрел на Его Величество, раскалывая арбуз на несколько частей. Внутри он оказался сахарно крупянистым, красным, как ягода малина, с черными семечками и тонкой кожурой, будто вызревал на юге.

– Чего задумался? – с улыбкой спросил кряжистый, внезапно подобрев. Арбузный сахарный сок стекал по его деревянным губам.

– Да как же я это все унесу? Не знал, что у вас так... Думал одно, два взять... – растерялся Его Величество, пробуя арбуз. Арбуз был сладкий до самой корочки.

Он осмотрелся. Не так ему были нужны фрукты-овощи, про самое главное он пока ничего не узнал. Второй раз хозяева не дома. И в избу не попал. Несомненно, чудовище здесь была, и возможно, жила. Но не часто. Кто-то снова подвязал на дерево алую ленту, которую он бросил в прошлый раз. Но это мог быть тот же кряжистый или водяной. Но белье-то, белье, развешанное сушиться, она должна была снять! Под навесом все так же трепыхались та же простынь, рубаха в горошек и еще одна рубашка, похожая на короткое платье. Разве это можно носить? А застиранные трусы, зашитые в нескольких местах? Его Величество брезгливо передернулся. Впрочем, разве могло быть иначе с ее-то ограниченным мышлением?! И все же, наверное, глупо было прийти сюда и просить на «показать» сотни видов овощей и фруктов. Тут и десятью повозками не вывезешь каждой штуки по паре.

– Я, вообще-то, на переговоры пришел... – честно признался Его Величество. – Пакт о перемирии заключить, статус определили уже... Объявлена ваша территория заповедником. Ну и... про выставку, тоже, правда... Только я не справлюсь...

– Заповедники у нас – заповедники и есть. В заповеднике за кровушку тебя забили бы уже насмерть, – усмехнулся кряжистый. – А тут у нас житье-бытье... Не забивай себе голову, Царь, мы уж как-нибудь сами себя прославим. А что людям показать, это хорошо... – поощрил он, прищуриваясь. – Нам не жалко.

– А ты попроси помощи, чай, язык не отвалится, – посоветовал водяной. – А мы поможем, мы гордые, но по-своему, по-смешливому...

– Ну, так помогите! – добросердечно попросил Его Величество, сообразив, что, если люди в землю повалят, им будет несложно узнать о каждом шаге врага. Наверное, это был лучший способ открыть землю и распать ее. – Я заплачу! – пообещал он.

Водяной сунул пальцы в рот и свистнул, да так громко, позавидовал бы соловей-разбойник. И почти в ту же секунду на поляну прибежали два коня – черный, как смоль, и белый, как снег.

Его Величество не удержался и встал, схватившись за сердце.

Таких коней он сроду не видывал. Каждый конь в чистом золоте стоил столько, сколько бы весил сам. Конские шелковые гривы развивались на легком ветерке, разлетаясь кудрями в разные стороны, хвосты стелились по земле, поджарые, мускулистые, холеные...

– Откуда?! – Его Величество почувствовал, как сдавила его тяжесть со всех сторон, и перехватило дыхание. Вот бы ему таких – он на черном, а Ее Величество на белом... – и все шейхи с их черным золотом лягут к ногам... – Откуда?! – сдавлено прошептал он, осипшим голосом.

Водяной конями не гордился. Смотрел на них недовольно и с разочарованием. Закусил губу и сразу стал каким-то виноватым.

– Кони так себе... Были бы кони, а эти... – он махнул рукой, будто тяготился ими. – Маня подгадала мне сундук с копеечной ломаной монетой. Половину я озерным проиграл, с вечера сели играть – а спохватился, другой вечер... Стыдно стало, ведь за подарками приехал... Дык, закрыли ярмарку уже, а до следующей год жди! По остаткам прошел. Стыдно-то, стыдно как! И дочки ругают... – сдавлено заголосил водяной. – Я и так, и эдак мерил... Скройся с глаз, мука моя беспросветная! – крикнул он коням, и те как сквозь землю провалились, в миг оказавшись на опушке поодаль. – Послали мы к морской сирене записочку, обещала караваном прислать к следующему лету серебряного, с золотою гривой, но заломила цену, как басурмане не запрашивают. Пришлось выложить могильную землю и гробик с мертвецом...

Его Величество покосился на водяного: врет, не врет – цену набивает? И сразу понял – не врет. Кряжистый смотрел на коней не лучше, и тоже повинил водяного, грозно нависнув над ним.

– Тебя за чем послали, черт плешивый? Умный разве конь, если в стойле стоял?

– Да понял я, понял! – сжался водяной, втянув голову в плечи. – Где табунькового было взять?! Их пригнали, выпустили, да еще рака поставили, чтоб свистнул...

– И за прылку спасибо! – еще грубее зашумел кряжистый. – Не нитку прядет, а веревки! Вот, на, смотри! – Кряжистый достал золотой клубок и сунул в руку водяному.

Водяной вытянул нить, не толще волоса, повертел ее и так, и эдак, и тут же изменился в лице.

– Убббью! – прорычал он, погрозив кому-то кулаком. – Подсунули! Ей Богу, подсунули! – залезбездил он перед кряжистым, виновато ссутулившись, глаза его забегали.

– На кон поставь в следующий раз, – посоветовал кряжистый, протягивая водяному веретешко, с широкой изрезанной извилинами шишечкой на конце, в которой были пробиты две дырочки. – Тебе за нее кто хошь, что хошь проиграет...

Водяной поставил веретешко на палец, и веретешко завертелось...

Через минуту оно наполовину заполнилось серебристой пряжей. У Его Величества закружилась голова, и отчего-то по лицу потекли слезы, стало так обидно на жизнь, за коней, за землю эту богатую, в которой вампирам места не нашлось...

Водяной, заметив, что Его Величество плачет, остановил веретешко, пытливо заглянул в глаза.

– Да, не забирает серединочку и с одного боку... – разочарованно выдохнул он, отворачиваясь. – Может, старику ее? – предложил водяной кряжистому. – Ему в самый раз...

– Ну... – подумал кряжистый. – Ему, пожалуй, можно... С одного боку попрядет, с другого... На одежду нитка не получится, но на мешковину сойдет...

– А этих? – Его величество кивнул в сторону коней. У него совсем отвалилась челюсть, когда он потрогал нить клубка, которую водяной положил на стол. В платье из материала с такими нитями в пору лишь Царям одеваться. Он решительно не понимал, с чего эти двое решили облагодетельствовать проклятую и старика. Он перевел взгляд на коней. – Это... охрану бы им приставить. А этих, что же, продавать?

Водяной посмотрел на него, как на чокнутого.

– Да кто ж их купит? Тоже старику отдам, а то он все пешком, да пешком. Может, оно и не быстрее, но ноги не устают.

– А мне не продашь? Я золотом... золотом заплачу! Называй цену! – торопливо предложил Его Величество, почувствовав, как предательски нервно задрожали руки.

– Да какое золото! – скривился водяной. – У меня дна не видно под золотом. Забери даром, если справиться сумеешь! От позора избавишь!

– А если обоих словлю! – осмелел Его Величество.

– Да обоих и забери, – согласился водяной. – Могу и посадить, если не боишься!

– Без узды? – засомневался Его Величество.

– Ванька мог. Без узды как-то раз ускакал коня. И другие богатыри удержались. Но тебе так и быть, дам и уздечку. В сарае висят, возьми любую.

«Проведет, – подумал Его Величество, засомневавшись. – Подсунет рваную, а потом скажет, что это я коня не удержал» Но зашел в сарай. Там висели уздечки одна другой не лучше. Такой рванью коня не удержать. Он недовольно поморщился, вспоминая свою конюшню и коней. Если бы такого коня в табун пустить, через пару лет можно по царству в год выкупать...

– Ты мне крепкую дай! – он вернулся к водяному и попросил, засмотревшись на коней. – Вот моя бы была! – произнес он мечтательно.

– Пусть будет твоя, – согласился водяной. – Есть ли у тебя такая, с отметиной, а то скажешь потом, что не твоя.

– Есть! – радостно воскликнул Его Величество, припомнив, что была у него узда коню под стать. Вся золотом изукрашена, камнями самоцветными, кожа крученая, сталь – самая булатная. – Но она у меня в сейфе, – покраснел Его Величество, вспомнив, что именно этой уздой правила Ее Величество им самим, когда накладывали на него обязательство потакать жене и выполнять все ее капризы. Он покраснел, вспоминая. А досталась узда ему от Бабы Яги в подарок на приданое. И с самой их вампирской свадьбы не забывали о ней, изредка добывая, чтобы провести обряд очищения.

– А сейф в синей комнате, с черными бордюрами... – посмотрел куда-то вдаль водяной. – Это кто ж такую красоту учинил? Но условие, если коня не удержишь, ты узду мне оставишь. Я бы тоже не отказался царскую узду иметь. Самая, что ни на есть крепкая узда.

– Согласен! – ударили по рукам.

– Изволь! – Водяной протянул ему узду. – Эта?

– Она самая... – растерялся Его Величество. – Вы что же, можете...

– Да не вором ли обзвать меня собрался? – водяной протянул за уздой руку. – Я назад ее верну. А про инцидент забудем.

– Постой, – остановил Его Величество. – Зови коня! А хоть бы вон того, черного...

Водяной свистнул, и конь неспеша подошел к водяному. Тот, не торопясь, надел узду, протянув поводья Его Величеству. Подставил локоть. Его Величество проверил крепость узды, вспрыгнул на коня, и понял – его конь! Сам он в государстве был одним из лучших наездников.

Ай да конь! Всеми государствами управлять с таким конем!

Конь как-то сразу приосанился, взглянув на него лукаво, будто видел насквозь, и проговорил человеческим голосом:

– Ну, погнали, Царь! Спорим, что сделаю круг и удержу тебя на спине и уроню на этом самом месте!

Ответить Его Величеству не удалось. Конь закусил узду и легко перекусил удило, оставшись без управления. Он подбросил его на спине, и поводья вылетели из рук, но удержал седока, поймав на лету. И скакнул конь в воду, и пронесся под водой, и охнул Его Величество, удивившись дворцам из камней самоцветов, и золотым монетам, выстилающим дорогу, и по воде, поднимая брызги, точно бабочка, порхнув над лилиями и лотосами, и снова не уронил седока. И скакнул на верхушку дерева, легко перемахнул через весь луг, остановившись на

другой верхушке дерева, и бросился вниз как раз в том месте, где он сел, и позволил седоку упасть.

Его Величество кубарем прокатился по земле.

– Что же ты, что же ты узду-то перекусил, – водяной сокрушенно покачал головой, – Ведь не молиться теперь, а плакать!

– Он за узду потянул, она и порвалась! – ответил конь, усмехнувшись.

Развернулся и неспешно присоединился к другому коню, хвостом и гривой подметая траву, которые не доставали до земли чуток.

– Про старика не знаю, но вашей проклятой на таком коне тоже не усидеть, – сказал Его Величество, поднимаясь с колен и отряхиваясь. – Ей и на тяжеловозе не удержаться. Я вас не понимаю, имея такой... потенциал, вас бы на руках носили. Такому коню цены нет!

– Так и ей, Манечке нашей, цена не более, – сокрушился водяной. – И человека, чтобы на здоровье пожаловался. Всяк поднимает на руки и с места на место переносит, туда-сюда, туда-сюда. А с Манечкой мы про болячки свои, про редьку с хреном, про соль в костях, про несytое житье-бытие. Вроде не переносили, а полегчало. И за болотом успели побывать, и по небу прокатились, и в Раю погостили, и в Аду помучались...

– И часто вы с ней... так беседуете? – поинтересовался Его Величество, усмехнувшись. Не прост был водяной, пожалуй, он вампира вокруг пальца обведет, тот и не заметит.

– Да почти каждый раз, как топор в воду уронит, а не видит, куда упал. Стоит и щепки кидает, и вопит что есть мочи: «Дедушка водяной, забери мою худую жизнь, верни топор!» За худую жизнь мне топора не жалко. Бывало, замучу ее до смерти, а она кричит: еще, еще! – и так самого замучает, сил нет уйти под воду. Куда уж там воду мутить! Поднимут рыбоньки мои золотые топор со дна, ну и посидим, поговорим о том, о сем...

Его Величество побледнел и отвернулся.

Наскочил же! Откуда у проклятой столько умных мыслей, чтобы понять свое состояние и разобраться с тем, что вампиры ей ниспослали свыше? Знания это были чисто вампирские, которые охранялись пуше глаза. Сама она не догадалась бы, ума не хватит – ей таблицу умножения суметь бы выучить. Садо-мазо, пожалуй, не закроешь, их не только вампиры, их люди боялись, как огня, не зная, чего ожидать. Прощай вампир, когда проклятый заболел такой болезнью. Он боролся за свою жизнь самым непредсказуемым образом: проходил все стадии проклятия, которые накачивали его половину ментального поля либидо, которое должно было поднимать у человека желание умереть, а у вампира желание от проклятого избавиться. Чаще это происходило, когда вампиры доставали не ту душу, и проклятый, имея в себе Проклятие, не имел Зова. И еще хуже, если он сам случайным образом имел в себе Проклятие на вампира.

При воспоминании о проклятой, живот свело судорогой.

«Сука!» – подумал он в который раз. Сразу захотелось проснуться: от земли этой, от водяного с кряжистым, от изб, от дурманящего аромата трав и цветущих плодовых кустов, от жары, которая плавила тело, так что спина рубашки промокла насквозь – этого не должно было быть!

А вдруг произошла ошибка? Но ведь сто раз проверяли. Это она была связана с ним, а, значит, ошибка исключается.

Так, что дальше? Зов работает, иначе...

«Что иначе, разлюблю жену? Никогда! Удавлюсь и удавлю!» Может быть, не так как раньше, но мыслей о других нет, чувствовал он только ее. Мысли о смерти? В конце концов, и вампирам не вечно быть молодыми, тем более ему, который даже не вампир пока.

– Скажи-ка, любезный, а мы... нашего роду племени приходят ли сюда? – спросил он напрямик без обиняков.

Водяной глянул на него изумленно.

– Как сказать... – развел он руками. – В руки не даются, но молитву терпим. Все как-то веселее... С Манечкой они...

Его Величество в который раз почувствовал, как при жаре во всем теле продрог до костей. Он спрятал руки под столешницу, чтобы кряжистый и водяной не заметили, что они начинают дрожать. Так, значит, вампиры все же были. Но как жили-то здесь? Может, поэтому бывают здесь так редко, что жить приходится в другом месте? Выходит, Ее Величество опять права. Он вконец запутался. Или водяной нес околесицу, или говорил правду, но не всю.

– А кто тут у вас за главного? – спросил он, взглянув на кряжистого и водяного исподлобья.

– Мы все... сами по себе и как бы вместе. Главное не нарываться, а то мы, когда боимся, нас несет! – разоткровенничался водяной. – Ведь если Манечку убьют, мы сиротами останемся! – он пролил слезу и высморкался. – Но когда горе на горе, разве ж богатырке нашей дома усидится?

– Значит, что же... она у вас вес имеет? – удивился Его Величество. – Кому она нужна? Кто бы слушать стал? Это у нас с ней горе, а без нее и горя нет!

Принять проклятую как человека, с которым запросто могли иметь дело, голова отказывалась. Тело отяжелело, голова стала мутной, не своей, в глазах появился песок.

– А как же без весу-то? – водяной выпучил глаза, будто увидел чудо. – Это я легонький... Так, я не мерил себя сегодня, – спохватился он, обернувшись к кряжистому, который, усевшись за стол вразвалку, молча наблюдал за Его Величеством, не скрывая ехидства.

– Горе у вас, что правда, то правда, – согласился кряжистый, ухмыльнувшись. – Но ведь это с чьей точки зрения посмотреть!

– Ну, не за главного же? – удивился Его Величество, совсем сбитый с толку. Похоже, оба уродца принимали его слова в том значении, в каком они употреблялись применительно к объекту. Вес у чудовища, естественно, был, и надо полагать, не меньше, чем положено иметь человеку. Тростинкой, какой была его жена, не многие умудрялись остаться до ее возраста.

– Нет! – признался водяной сокрушенно. И добавил: – Меньше ее тут никого нет.

– Значит, пропилась, проелась, и пришла проситься на постой, – удовлетворенно заключил Его Величество, чувствуя, как уходит тяжесть. В общем, он выяснил все, о чем хотел узнать. – Ну, когда надоест об слезу ее запинаться, поставите меня в известность. Мы как-нибудь решим вашу проблему.

– Обязательно известим! – пообещал водяной, раскланявшись.

На берег выплыла одна русалка, вторая, третья, четвертая. Поднялись на берег, и хвосты обернулись в ноги. Его Величество засмотрелся. Его жена была красавица, но русалки имели свежесть, которая с нее уже сошла. Особенно в последнее время. Он вдруг вспомнил, что за праздник жизни приходится расплачиваться. Да, стоило вампиру подумать или пожелать, как все начинало крутиться, и выстраивались в очередь желающие угодить. Вампир не мог сказать, что он не умеет жить, не добился, или думает чужой головой, но сам он вряд ли жил в гармонии с самим собой. Миллионы вампиров испытывали постоянное неудовлетворение по любому поводу, страх, подозрения – и лицо вампира менялось. Обмануть можно было и человека, и оборотня, и Отца Небесного, и, поговаривали, Дьявола, но только не вампира. Он видел, в кого превратится, когда чудовище, наконец, сдохнет. Первое впечатление напугало его. Но страх быстро прошел: нельзя получить, ничего не отдавая взамен. Зато вампир никогда не мучился угрызениями совести, в любое время испытывая невероятную чистоту своих помыслов, какой бы они не были направлены.

Показательный пример, когда некий Царь решил войти в историю, как реформатор, обнаружив, что весь мир ушел далеко вперед, отказавшись от рабства. Огромная страна испытывала потребность в рабочей силе, в свежих идеях, в открытии новых производств, и, в конце концов, не имея средств, чтобы платить помещикам за каждого рекрута, он подумал, что неплохо

бы освободиться от давления со стороны дворянства, укрепившего свои позиции на мировом рынке экспорта зерна. Ведь до чего дошло: имея за границами имения, могли в лицо плюнуть Батюшке Царю и свалить. Особенно молодежь, которая никак не могла выйти в люди. Раньше этот вопрос решался просто: Царь, внезапно осознавший тягу к служению отечеству, вперед ногами выставлял из царских покоев предыдущего Царя, а молодежь призывал под ружье – и сразу почет и уважение и Царю, и молодежи. А тут не поймешь, кого призывать и против кого выступить. Весь народ в неволе, у каждого вампира родовитое имя, а бунтуют, в основном, разорившиеся помещики, которым ума не хватило пить кровь не сразу, а постепенно. Как истинный вампир он пошел проторенной дорогой, спихнув ответственность на чиновников и самих помещиков, но потратив уйму времени на уговоры, наконец, своим умом дошел: ни один помещик не имеет желания отказываться от своего имущества, которым был оскотинившийся человек. Порядка пятидесяти тысяч вампиров владели миллионами людей, которых могли казнить и миловать, продать, обменять, вырвать кишки, посадить на кол, забить плетью, если тот не приносил ему дохода. И еще пятьдесят тысяч духовных наставников помогали удерживать человеческий скот в узде. Школы – для вампира, больницы – для вампира, искусство, музыка, культура, театры....

Без крови вампиры жить не умели. Реформа, с согласия вампиров, обернулась в итоге еще большим рабством. Повинность отработать барщину теперь стала обязательной – огороды стоили дорого, а дороги, прогоны и водопои для скота стали платными. И то, что было тайным, теперь стало явным. Не имея возможности забить человека плетью на задворках помещичьего двора, чтобы утолить голод и вернуть себе умиротворение, когда снова хочется стать Благотелем, помещик был вынужден искать кровь и пить ее на виду у всего общества, связанного круговой порукой. Круговую поруку, когда никто не мог бы отказаться от своего бедного и неплодоносного надела и уехать на заработки в другое место, помещики благословили сами, чтобы не упустить своей выгоды, которая, как кровь, у вампира всегда на первом месте.

Не жизнь, а сказка. И никто угрызениями совести не мучился. Где, о какой совести в то время шла речь? Кто помнил, что вампир выходит из того самого народа?

Человеческий ресурс всегда котировался, как нефть, как газ, как золото, как свиньи и коровы... И замечательно, что многомиллионный скот обрюхатился новым поколением еще более жестоковейных вампиров – немного прошло времени, когда они смели старое поколение, поднялись и, усвоив урок, установили жесткие правила, по которым теперь любой вампир мог бы подняться до Царя – но в жесткой конкурентной борьбе. А народ, упраздненный до простонародного быдла, потерял надежду в справедливость раз и навсегда, наконец, утвердившись в мысли, что жить в Раю у Батюшки Небесного тому хорошо, кому хорошо живется в государстве при Царе Батюшке. И успокоился. Вампир был бессмертным. И таким же древним, как человек, начиная род свой от Каина, который знак на чело получил от Бога первым. Со времен Каина не было такого, чтобы человек стоял над вампиром. Хоть три проклятых земли выступят против вампира, вампир переживет.

ТЬфу, тьфу, тьфу, чтобы не сглазить!

У проклятого наоборот – стоило подумать, и все начинало крутиться в обратную сторону. Любая их мысль, в конце концов, сводилась на нет. Им нельзя было доверять свои тайны, желания, и уж ни в коем случае рассказывать о делах. Любое дело разваливалось тут же, стоило проклятому пожелать доброго их завершения, особенно, если он был заинтересован в этом лично. Вампир всегда держал уши востро и умел повернуть время проклятого вспять.

Его Величество снисходительно усмехнулся, провожая взглядом русалок, проплывающих мимо легкой походкой. И слегка поморщился, заметив корявых девушек. Девушки срели цветы, вытаскивали луковицы и укладывали в коробки. Венки на их головах смотрелись

нелепо и глупо. Зачем украшать голову, которая с человеческой рядом не стояла? Не поймешь, где голова, где тело.

– Это сколько же вас тут? – лучезарно улыбнулся он, пожав плечами.

– Да уж, не как у вас! – хохотнула русалка человеческим голосом. Тонким и звонким, будто прозвенел колокольчик. – Нашлась золотая рыбка, али нет еще?!

– А про золотую рыбку, откуда знаете? – слегка смешался Его Величество, сердито взглянув на водяного. Не иначе, успел рассказать.

– Так она нам, чай, не чужая! Матушка наша, сирена морская, золотых рыб поит, кормит, на стада тучные выводит.

– А они разве не владычицы морские? – заинтересовался Его Величество.

Русалки сдержанно улыбнулись в ответ.

– Вот поэтому-то она и не смогла желание старухи исполнить, – одна из них осуждающе покачала головой. – Не ее компетенция.

– Поговорите у меня! За болотного замуж отдам! – прикрикнул на русалок водяной, недовольный, что место для сбора гусениц выбрали поблизости.

Русалки поспешили пройти мимо.

– Экие красавицы! – сказал Его Величество, провожая их взглядом. – Что им в болоте-то делать?!

– Речку новую! – ответил водяной недовольно, подняв листья лопуха и собирая в корзину слизней. – Кормишь их, поишь, ночей не спишь, а им лишь бы языки чесать!

Его Величество прошелся по лугу. Работников на огороде изб было много – и все заняты делом. Он отобрал плоды для себя, отнес к столу, раскладывая по виду. Это оказалось нелегко. На десятую ходку он уже не без зависти смотрел на корявых девушек, которые легко управлялись с огромными арбузами. Казалось, стоит им подойти, растения сами роняют плоды, которые каются в нужное место. Между ними бегали резвые полосатые лошадки, подставляя спины, на которые взваливали мешки. Нагруженные лошадки тут же будто проваливались сквозь землю, исчезая и появляясь уже пустыми.

– Куда это? – поинтересовался Его Величество у кряжистого, когда тот проходил мимо, кивнув на собранный урожай.

– От нашего дома в вашу думу, – ответил он, показывая лошадке направление. – Не пойму я, ты человек или вампир? – он остановился, метнув из-под широких бровей пронзительный взгляд. – Вроде человек, а дума у тебя – вампиры позавидуют. Манечку пришел убить? – напрямую спросил он, поднимая мешок и на этот раз взваливая на Его Величество.

– Ну не люблю я ее! – взмолился Его Величество. – Что мне, всю жизнь мучаться?

– Так разведись, а проклинай-то зачем. Не любишь, а вяжешь. Стыда нет, – с досадой проговорил кряжистый.

Его Величество перекосило. Слушать о чудовище приятно он не мог – не умел. Опять сдавило шею и голову, руки онемели. Не хотел – было противно и тошно. Он уронил мешок на землю, усаживаясь на него.

– Кто она мне, чтобы я с ней разводился?

– Вот видишь, какой ты больной, чтобы своей головой думать. Развел червей... и страха нет. Вот поднимется на небо – заберем у вас все царство.

– А людей не жалко? – Его Величество посмотрел на кряжистого с жалостью. Попугать решил, но что он мог сделать? Разве что каминь протопить сучковатыми своими дочурками... – Кто ты такой, чтобы нам указывать?!

Кряжистый усмехнулся.

– Мне не жалко. От вашей думы к нашему дому – своя выгода. А кто мы... Он рыбами заведует, его стихия вода, – кряжистый жестом указал на водяного. – Берет у человека больше,

чем тот имел бы за всю свою жизнь. Я даю человеку больше, чем тот имеет за всю свою жизнь – с этого имею. Ты, например, стоишь мало, да много.

Его Величество кисло скривился: бормочет чего-то... Кто бы что у него взял... Кряжистый искал выгоду там, где ее нет – у себя бы короедов искал, непременно найдутся. Ни один уважающий себя вампир близко не подойдет к этой земле, а уж миловаться с таким уродом, подавно. Наверное, господинчик думал, что сухофрукты – это вся жизнь. Такому, пожалуй, не объяснишь, что не каждый человек рожден для грядки с овощами. Здесь было хорошо, да, но не настолько, чтобы забыть, что дома ждала горячая ванна и теплая постель, жена, которая только что приняла ванну с ароматными травами, слуги, государственные дела, друзья, повара с заморскими деликатесами и изысканной кухней, которую этим никогда не попробовать. И мало найдется людей, которые не оценят все, чего он добился... Сам! От проклятого избавляются, чтобы расправить крылья, вырезают как аппендикс, который все время ноет и ноет. Если могла бы – поднялась бы. Как он, как жена, как любой, с кем приятно иметь дело.

Кряжистый посмотрел на Его Величество, и сразу закричал, завиноватился, страшные деревянные глаза его, как выгнутые линзы, отражающие свет и поляну, замутились и поблели.

Наверное, понял, о чем я думаю, с усмешкой подумал Его Величество, глядя свысока на кряжистого, ползающего по земле на коленях. Ну и пусть! «Что, чурка неколотая, не получилось червями, помидорами закидаешь?» – собирать фрукты и овощи расхотелось. Не его это было. Кряжистый ему не нравился, он все время хмурился и посматривал недобро, в отличии от словоохотливого водяного. Возможно, без кряжистого ему удалось бы разговорить водяного и выудить больше информации, но он все время одергивал водяного, наступая ему на ногу.

– Мы простые, неотесанные, а вы, как я посмотрю, птицы высокого полета, – проблеял кряжистый, будто соглашаясь с его мыслями. – Вот и избушки на курьих ножках не делом Маньке нашей достались. Убила Матушку Их Величеств, и не прослыла ни миллионером, ни сватом, ни братом. Отпугнула от себя только. Поделом нам, что люди бестолковые и те стороной нас обходят. То ли дело вы! Чем больше убил, тем больше славы. Пойду-ка я, посыплю солью оружие наше и перекушу немного...

Его Величество закусил губу. Напоминание о Матушке и недавнем сражении заунывным басом прозвучало, как насмешка. «Но вышла сила у вас, вышла! Нет никого оружия, ничего нет! Танком проедем, и нет ваших томатов! – мстительно помечтал он, высверливая взглядом дыру в спине кряжистого. – Не быть вам хозяевами на земле царства нашего!» Он не мог поверить, что проклятая земля обладала большими возможностями. Исполнилось желание лампы – и только! Где же они ее держат?! Неужели вне пределов земли?! Избы продолжали пахать, крепко закрывшись на все запоры, не иначе, лампу хранили здесь, в избах. Только тут ее не смогли бы достать вампиры или драконы. Если дракон действительно видел следы, то получалось, что предатели где-то неподалеку, как же они оставили ее? И как возьмешь, если пуще глаза охраняют?!

Все было готово, но молодильные яблоки валялись у самых ног, и Его Величество не торопился уходить. Собрать яблоки с полу – не совсем то, чего он хотел, но испытать их, стало навязчивой идеей. Не существовали такие в природе, и земли этой не должно было быть. То и дело яблоки падали со звоном, будто дерево роняло слезу. Но он понимал, что за ним следят в четыре глаза. Водяной крутился неподалеку, набирая в короб земляных червей и прожорливых гусениц, русалки уносили короба в реку, и вода пенилась, и летели брызги от выпрыгивающих рыб и рыбешек. Кряжистый и корявые его дочки крутились вокруг да около, собирая урожай.

– Поговаривают, что в избах такая есть печь, пироги печет знатные, подавиться слюной можно. Может, покормите? Дорога дальняя у меня, – ласково попросил Его Величество, в надежде, что присматривающие за ним отвернутся, или хотя бы один уйдет с глаз долой.

– Хлебосольная у нас и земля, и изба с пирогами. Отчего не накормить? От нас не убудет, – добродушно приветил гостя водяной. – Мы бы и в баньке помыли, да банька злопамятна.

Боюсь, примется обжаривать, как мясо на сковородке. Не забыла она Бабу Ягу с дочушкой. А ты поел бы? – он обратился к кряжистому.

– Неси! – согласился кряжистый. – Время далеко за полдень, а я еще путем не завтракал. Арбуз не еда.

– Чем вам моя жена не угодила? – обиделся Его Величество. – Мы бы слова худого проклятой... Мане! Манечке! – поправился он, заметив, как зыркнул кряжистый. – Не сказали, но ведь не по закону в избе живет. Жена моя – наследница, избы принадлежали и будут ей принадлежать. Любой суд докажет, закон есть закон, – обиженно произнес Его Величество.

Ему и в самом деле было обидно. Хуже быть не могло: чудовище оттяпала все добро Бабы Яги! А он еще узду потерял... Ох и достанется от Ее Величества, если это та самая узда. Но в то, что водяной так легко смог ее достать, верилось с трудом, он подозревал, что его провели, как последнего лоха, и почти был уверен, что найдет узду на старом месте.

– А ты у изб спроси, с кем они и чьи. Они, по ходу дела, совершеннолетние, – посоветовал кряжистый. – Я вот смотрю и думаю, ты по манну пришел, или по избам соскучились? – он не переставал усмехаться про себя.

– Свои мы, не чужие, – произнес Его Величество, заметив, что водяной уходит в сторону изб. – Вон, Маня и сук срубить не может, – он ткнул пальцем на избы. – Как ей в избах-то жить? Цветник на крыше... Засрет все, потом не отмоешь. А сорняк какой в огороде! Мне не трудно прислугу приставить. Жили бы, как у Христа за пазухой.

Кряжистый глянул в сторону изб.

– А это! Это у них имидж. Венок на такую крышу не сплетишь, вот они и решили, что клумба гораздо интереснее будет смотреться... – Он наклонился, раздувая огонь – и два яблока оказались у Его Величества в кармане. И еще одно, когда кряжистый черпал воду из колодца, повернувшись спиной. – Вот ты, на грудь пристроился, одеждой мертвеца прикрылся, а по отрубленной голове не скучаешь хоть иногда?

– Да как же ему отрубленной головой по голове скучать? – Водяной вернулся с огромным подносом румяных и поджаренных пирогов.

Его Величество не ответил. Не ихнего ума дело. Может и отрублена, да только не его – с отрубленной головой Царями не стают.

Чай вскипел быстро. Кряжистый порезал салат, принес запеченную в яблоках утку, водяной копченой рыбы, икорку красную и черную, на столе появился мед, лук, сливки, фрукты, напиток из цикория, соленые грибочки и огурчики...

Да, питались тут не хуже, чем во дворце. Продукт был свежий, только что с огорода и из речки.

– А вот отчего у вас такая туча собралась? Это наши ученые объяснить смогли бы, но не знаем, из какого места ее пригнало, – поинтересовался Его Величество, уминая пироги. Так вкусно и повар во дворце печь не умел. Пироги во рту таяли, видно, был у избы свой секрет, или мука была особенной, и каждый пирог со своей начинкой...

– А мы ни о какой туче и не слыхивали! – весело проговорил кряжистый, тоже с набитым ртом. Настроение у него поднялось, и он как-то сразу подобрел. Наливал себе из крынки четвертую кружку молока. – В центре оно всегда так! Тишь да благодать. Пронесло, слава Богу.

– Это Манино желание исполнилось, – поведал водяной. – Не иначе, а то как бы мимо-то?

– А жена моя, на дочерей ваших отчего так похожа? – Его Величество сунул несколько пирогов в карман.

– Так мы сначала с Бабой Ягой сдружились. Давно это было. Лет эдак тысячу или две назад. Мы ее тогда привелили всем миром, честь по чести. И плакала она, что дитя ей не дается. Вдове дитя уже не положено. Дал я ей семечко. Долго не было у нее ребеночка. Забыл уже, а тут раз, и новость... Мои дочки – серены морской, а жена твоя человеческий ребенок, вода не для нее, и оплодотворил семечко вампир. Так что я у нее мама, вампир тот папа,

а Баба Яга как бы суррогатная мать, если по-вашему, по-человечески рассуждать. У нас все наоборот. Я был бы папой, вампир мамой, а Баба Яга – суррогатный отец. Я вот со своих глаз не спускаю. Сплавают, бывало, к Матушке, а через неделю опять дома. В пену обернулись, на туче прокатились, дождиком пролились. Не хотят, – сказал водяной с досадой. – А какие там женихи могучие! Да и болотные ихние, не то что наши...

– Мои такие же, – согласился кряжистый. – Погостили в земле, погрелись у Матушки, и наскоро выплыли через жерло, обернулись пылинкой и с ветром айда домой.

– А у меня нет детей, мы как-то все не соберемся, – сказал Его Величество с досадой.

– А Маня наша вдовушка при живом муже. Ей бы мужа-то похоронить по-человечески. А какая невестушка завидная. Да ты не переживай, может кто-нибудь выживет, вылупится... Будешь суррогатной и папой, и мамой...

– А этот, бородатый... не сделал ей еще предложение? – поинтересовался Его Величество, ухмыльнувшись на слова водяного. Скажет тоже, суррогатный мама и папа...

– Этот, Борзый-то? Ну что ты, у Манюшки другой полет. У нашей Манюшки женишок сахарный, устами говорит, будто реченька журчит, крыльями машет, что землю пашет, к кровушке присосется, пока вином не станет, не отлепится.

– А-а-а! Так тут и вампир может жить? – удивился Его Величество.

– Еще как может, он всем вампирам заказал сюда дороженьку, чтобы не дай Бог, Манечку не отбили... А человеку, пожалуйста...

– Древний, значит... Маг? – поинтересовался Его Величество, насторожившись. Получалось, что жена его была права. И вампир этот... метил на царство.

– Всем магам маг! Поднимется из забвения, и положит армии в рядок, еще поднимется – еще положил!

– Из первоживущих? – Его Величество поперхнулся, изменившись в лице. – Неужто Маньку так охраняет? Да как же выжил?!

– А молодильные яблоки на что? – удивился кряжистый. – Маня его из гроба подняла, а он уж яблоками... Встал из гробика, и говорит: Маня, разлюбезная моя, вампиры проклятой тебя сделали, но ты не переживай, сама сходишь весточку от меня передать, или мне проведать и передать братве, что обелил я вас, госпожа моя?!

– И тут берет Маня его за белые косточки, – возбужденно продолжил водяной, глаза его заблестели и увлажнились. – И говорит: Нет, милый друг, вместе ходим, а пока идем, будем друг на дружку любоваться...

– Повеселел он своей буйной головушкой, а рога-то – во! А клыки – во! – кряжистый поднял руки высоко и опустил их ниже пояса. – Слушаю и повинуюсь, говорит, госпожа моя! А закусить?!

– И пошли они искать, чего поесть. Говорит ему Маня: а царствующая чета подойдет? Он, естественно, согласно кивнул в ответ. Мне, говорит, вампиры слаще меда, но я и человеком не побрезгую. И повел он Маню в горы, – глаза у обоих рассказчиков засветились, – в места тайные, в город проклятый. И увидела Маня богатства неисчислимые. Но говорит он ей: «Бери только лампу. Знаю, чем золотишко обернется, сам тот город проклинал!»

Глаза у Его Величества стали круглыми, как у водяного. О вампирах, которые умели напасть на город и проклясть его со всеми жителями, не слышали уже три или пять тысяч лет. Мороз пробежал по коже.

– А почему меня пускают? Я что же, не мужчина? Или страшная такая ваша Маня? – улыбнулся Его Величество, скрывая испуг.

– Не ревнив, верит. Да как же не верить, если поставил он ей такой Зов, от которого и звери бегут к нам? И люди прибегут, если Манечка закручинится. Но хорошо ей.

– Да как же можно души Маниной не пустить? Прошел ты по саду, посмотрел, – и видит Маня, какое дерево нараси должно.

– Да знаю я... – отмахнулся Его Величество. Он вдруг сообразил, что уже за вечерело. Солнце скрылось за вершиной.

Но древний вампир?! Зов?!

Значит, он все же проклят...

Стало трудно дышать. Он сидел бледный и не мог вымолвить ни слова. Он вдруг вспомнил, как подумал о смерти. Здесь было хорошо. Ей, Маньке, и не надо другое счастье. Он всегда это знал. Как этот вампир прошел мимо него, мимо жены, мимо драконов? Он чувствовал каждого человека, который приходил в ее жизнь – а тут, пустота...

Вот именно, человека, которым легко управлять...

Вампиры проклятую обходили стороной, или рассматривали ее не иначе, как ступеньку. А если он ее использует? Чтобы добыть трон? Манипулирует ими, исстрачивая ресурсы, убивая тех, кто мог бы ему противостоять? А там, глядишь, и жену приберет к рукам. Мысль потеснить его на престоле, не пришла ли к жене от него?

Попал в сети, как школьник...

– А где же сами? – поинтересовался он, стараясь скрыть волнение. – Давно были, давно ушли? Куда? Мы были бы рады поприветствовать...

– Путешествуют. Мир изменился. Манечка показывает ему болезни и все, чем мучается человек, и вас, кстати, тоже, а он – как прекрасно было бы вернуться в прошлое, когда человек искал его, чтобы убедиться, что он все еще живой. Безусловно, он вами недоволен. Крови много пускаете, а вампира настоящего нет.

– Отчего, добрый молодец, побледнел? – удивился кряжистый. – Напугался, али напугали чем?

– Нет, дома меня ждут, к утру. Боюсь не успеть. Супруга моя не любит, когда не по ней. Пожалуй, маг ваш в подметки ей не годится. Мне еще в руины, три города вдруг свалились на нас, и непонятно как...

– Проклятые?! А, так это его работа! Манечке показывал, как закрывают город и как открывают!

Его Величество побледнел еще больше. Сдохнуть можно, какой он после этого вампир, если больше, чем вампир, обратил внимание на проклятую?!

«Сука! Ты сдохнешь, поганая тварь! Убью! Мразь! Падаль! Ведьма! Ненавижу! Ненавижу!» – но губы Его Величества продолжали улыбаться, лишь взгляд сверлил кряжистого и водяного, которые смотрели на него ласково, приторно, до противного вызывающе. Они не боялись, играли, не сговариваясь.

«Придурки!» – он разозлился на себя.

Глупо думать, что читали мысли, но подозрение было, или видели маску и напрямую обращались к ней. Он заторопился. Луг и лес засветился голубоватым мерцающим светом. В воздухе замелькали голубоватые, белые, желтые и зеленоватые светлячки, луг загорелся, от растений и от земли поднялось голубоватое свечение. В последних лучах солнца, которые еще освещали небо, и сумраке в тени горы, место выглядело нереальным, сказочным и таинственным. Не хотелось думать, что здесь притаилась его смерть.

Его перебросили через коня, привязав к одному из мешков, приказав не шутить с конем, чтобы тот ненароком не решил, что он наездник. Конь стоял смирно, но ношей был недоволен.

«И зачем я согласился? – рассуждал конь сам с собой, пока потихоньку брел в сторону опушки. – Ну прошлись бы по моей спине плеткой... Снова таскаю мешки, как безголосая скотина... Молчи! – приструнил он сам себя. – На мне нет узды, я жив, я дышу! И тоже провидец... И в присядку могу... И забыл, как железные кандалы стягивают ноги, как снимает кожу железная плеть! Я был мертв и се жив... Золотой конь – это еще как повезет, а я надежный товарищ! Я больше чем конь, я земля и небо!»

Кони взмыли на верхушки деревьев и в пару минут оказались чуть ниже того места, где Его Величество оставил дракона. До него было рукой подать. Встав на дыбы, они сбросили свою ношу. Дракон, завидев коней, взбесился, заметавшись по краю Проклятой земли, выпуская пламя из двенадцати голов. Кони весело заржали и прошлись коленцами. Потом в пару мгновений исчезли из виду.

Глава 4. У драконов тоже есть тайны

Погрузка не заняла много времени. Кидать мешки Его Величество не разучился.

– Что у тебя в кармане, – громко закричал дракон, как раненый зверь.

– Молодильные яблоки, – ответил Его Величество, не собираясь с ними расставаться. –

Хочу проверить, что они из себя представляют.

– Выбрось их! – посоветовал Дракон с мольбой в голосе.

– Не бывать этому! – запротестовал Его Величество. – Врага надо знать в лицо. Чем он дышит, что пьет, что ест – это война на смерть. А я, знаешь ли, не собираюсь играть со смертью. С кем связались, посмотреть надо.

– Я знаю! – сказал дракон, тяжело поднявшись и едва набрав высоту.

– Те двое сказали, что вампир – маг, что страшен, как черт. Сказали, что города те – его рук дело. Кто он такой?

– Вампир, который знает обо мне все. Я снова вижу следы... – Дракон сделал круг над дорогой, которая вела к проклятой земле. – Были не так давно, – сообщил он и сделал еще один круг, зорко присматриваясь. – Они где-то неподалеку!

– Они могут быть где угодно, – устало ответил Его Величество. Ему меньше всего хотелось бы сейчас ввязаться в драку. – Нам нужно за ночь успеть долететь до разрушенного города. Кстати, что ты хочешь там найти?

– Я рабам не открываю тайн, – расстроился дракон. – Я их убиваю, когда они узнают больше, чем следует, – ответил он, замолчав.

Пока Дракон добирался до города, Его Величество успел выспаться. Молчание дракона пришлось как нельзя кстати. Он хотел разозлиться, что тот обозвал его рабом, но не смог. Вряд ли стоило обижаться на того, кто привел его к власти. Дракон – продажная тварь, который легко менял хозяев. Или тех, кто думал, что хозяин. Страшные Горынычи не были своевольными, пока Матушка жены была жива. Чем же она держала-то их?

– Огнем, который ушел в землю, – обернулся к нему дракон, прочитав его мысли. Возможно, он сам разбудил его: они подлетали к полуразрушенному, как выяснилось, Проклятому городу. – Если сможешь укротить огонь, можешь назвать меня своим рабом. Я буду быстрым, как тот золотогривый конь, и сильным, как тот вампир, который дал мне жизнь.

Его Величество кисло усмехнулся. Убить проклятую – и земля сама собой перестанет существовать. Куда этот вампир денется, на коленях приползет...

Но попробуй-ка, достань ее...

– Убить надо мага и огонь, – вразумил его дракон. – Проклятых много, каждый день кто-то становится вампиром, кто-то проклятым. Убьешь ее, на ее место придут другие.

Возразить дракону было нечем. Но проклятый проклятому рознь, другие проклятые его не волновали. Во всяком случае, он для них был недосягаем.

– Что я должен найти? – поинтересовался Его Величество, рассматривая город с высоты.

– Вещь, знак – все, что убирало этот город с глаз. Возьмешь, и полетим к другому городу, – ответил дракон, снижаясь и кружась над городом.

– Ты знаешь, где эта вещь лежит?

– Чувствую. Где-то на площади... Там искривление пространства...

– Почему раньше не сказал, что нам придется облететь три города?! – грубо перебил Его Величество.

– Ты не спрашивал, – зло ответил дракон.

Все складывалось не так, как он хотел. Если дракон заставит его облететь все три города, неизвестно, когда он попадет во дворец. Но спорить было бессмысленно. Будет хуже, если он

не исполнит приказ. Дракон еще не простил ему молодильные яблоки, которые лежали у него в кармане.

Наконец, дракон высадил его рядом с площадью, внимательно просматривая дорогу и принохиваясь к ней.

«Странно, – подумал Его Величество. – Площадь обычно бывает ровной, или вогнутой...»

Земля в этом месте была, наоборот, изогнутой, перепад был небольшой, но заметный. Огороженные красной лентой, неподалеку лежали обломки полуутопленной в земле призрачной статуи-саркофага и такой же призрачной лампы. Обычная на вид, медная, с узором по кругу. Узор напоминал руническую надпись, которая повторялась трижды.

Он прошел площадь вдоль и поперек, обошел окрестные дома. Время бежало быстро. Закусив в небольшом уютном ресторанчике, открытом для туристов, он вернулся к дракону.

– Послушай, я не знаю, что искать, – признался Его Величество, не рискуя подойти к дракону ближе, чем на расстояние, на которое он дышал огнем, когда не хотел никого спалить. – Если ты мне не скажешь, то я буду ходить здесь вечно. Хотя бы намекни!

– Печать. В печати ключ. Ключ открывает и закрывает проклятие города и дает мне жизнь. В этой печати моя сила. Я родился с этой печатью в один день, в один час.

– Раньше ты об этом не говорил, – удивился Его Величество. Было принято считать, что драконы бессмертные существа, не взирая на их малочисленность.

– Раньше я не знал, – признался дракон. – Но догадался. Я слышал голоса, крики и вопли, и вдруг они замолчали, и город стал виден. И сразу почувствовал дыхание смерти. Моей смерти. Другие драконы чувствуют то же самое. Ищи все, что могло быть положено древними вампирами, или теми, кто снимал проклятие. Найди ключ! – взревел Дракон всеми двенадцатью головами.

Час за часом Его Величество осматривал каждый дом, прилегающий к площади, носом рыл землю. Он торопился. И злился на судьбу. Почему все, кого он любил, поставили на нем крест? Ответ лежал на поверхности – проклятие написано на его лице! Как проклятой удалось завоевать доверие вампира, который смеялся над ними над всеми? Наверное, со временем мозги все же отказывают вампирам, старческий маразм, или решил исправить то, чем мир стал по его вине. Или мир древних вампиров был настолько отличен от мира настоящих, что он, проснувшись и не увидев своего мира, решил переделать его под себя?

Его Величество чувствовал себя так, будто провалился в дыру в деревенском клозете. В глубине своего сердца он знал, что никакие ключи, никакие махания пистолетиками не вернут ему его самого. Его использовали, выжимали, как лимон. Дракон никогда не считался с ним, он пил через него проклятую, как пьют из кубка вино, а жена когда-нибудь забьет его насмерть. Он и Царем-то себя не чувствовал, может быть, потому, что когда накладывали на проклятую Зов, Царем он еще не был, но все говорили: Царь! Царь! И он понимал: да, надо, тужился им стать.

Время шло...

Дракон нетерпеливо махал хвостом, внимательно наблюдая за всеми, кто пытался составить Его Величеству компанию, помогая в поисках. Торговые лотки при их приближении побросали, и теперь вся площадь была мусорной свалкой. Площадь оцепили, выпроваживая немногих любопытствующих, осмелившихся приблизиться к дракону. Его Величество сел, готовый сорваться, обхватив голову руками.

Взгляд его привлек участок земли, на котором камни мостовой были перемешаны с землей и песком. Камни уложены неровно, не скреплены дорожной мелкой пылью, слой разобран... Кто-то копал в этом месте, но зачем? Вряд ли кому-то пришло в голову искать клад посреди площади... Его Величество отбрасывал песок и камни руками, ломая ногти, внезапно осознав, что жизнь и его, и Ее Величества висит на волоске...

Его забрали! Ключ забрали!

Тот, кто подло подмял под себя одну четвертую царства, знал раньше, чем драконы. Они искали то, что первоживущий уже достал и показал проклятой – и дракон просто считал с него информацию! Точно так же, как делал он сам, когда вампир стоял перед ним и взывал к его милости, как жена, как дракон – это было знание не дракона, а проклятой!

Вздых облегчения.

Вот он ключ! Только как его взять, если висит лишь его голограмма?! Как разбитая статуя, как лампа...

Подполз дракон, разглядывая непонятный знак в виде круга, разбитый на двенадцать частей...

– Настоящий ключ лежит в другом месте, – констатировал дракон, заметно волнуясь. Он тоже понял, откуда к нему приходит информация. — Тот человек... из саркофага... он тоже искал его, – вспомнил дракон, кивнув на статую. – Ему не хватило сил и времени...

Его Величество усмехнулся. Да, проклятая знала. Значит, этот маг и проклятая на шаг впереди даже дракона...

– Где? – устало спросил Его Величество.

– Если бы я знал!.. – дракон попятился, приняв себя и присматриваясь всеми двенадцатью головами. – Они были здесь. Здесь их следы, но немного. Полена здесь нет.

– Давно?

– Следы частично или полностью затоптаны. Возможно, неделю назад.

– Постой, на дороге ты тоже видел следы. Они были здесь и возвращаются в Проклятую землю?

– Точечные. Как будто летели по воздуху.

– Возможно, первоживущий показал чудовищу ключ и объяснил, как и что он из себя представляет... Передает знания? Ему нужны помощники?

– Ключ существует. И он не здесь, – Дракон обошел ключ, рассматривая знаки. – Он в другом месте, – повторил он твердо.

– Получается, что и лампа лежит там же? – предположил Его Величество. – Если они пришли с гор с этой стороны, а поднялись с той, тогда и лампу, и ключ надо искать в горах. Но зачем им нужно было освободить город, если они не взяли ни того, ни другого?

Дракон промолчал, прислушиваясь к себе. Он с любопытством рассматривал среди камней черепки, вывернутые вместе с землей.

– Они поступили мудрее: сначала вынули человека и, загадав желание, оставили лампу в городе, чтобы я не искал ее. Потом спустились и разрушили печать, чтобы из нее вышел ключ.

– А мертвый человек им зачем?

– Он и жив и мертв. Один из многих, кому известны тайны проклятого города и моей смерти.

– Ты хочешь сказать, что это... все это натворила мое чудовище?! – впервые Его Величество усомнился в том, что ему говорили о проклятых. Но он видел их много раз, и сам не раз пускал им кровь, участвуя в наложении Проклятия и Зова. Опустившиеся люди, больные, безгласные... Иногда он сомневался, но проходила неделя, другая, и он понимал, что выбор был сделан правильно – вампиры никогда не ошибались. В этом было их преимущество.

– Она пока не имеет над тобой власти. Но первоживущий открывает ей тайну проклятия, и она снимает его с себя. Вот почему ты не можешь дать своей госпоже доброй пищи... – Дракон с интересом и с некоторой жалостью взглянул на Его Величество. – После этого она закроет тебя, и будет, как первоживущий, – он захохотал всеми двенадцатью головами, и смех его раскатился по городу, пугая всех, кто мог слышать. – Проклятая снимет... с себя... Господи! – воскликнул дракон с мольбой, обратившись в небо, – почему ты сделал меня драконом, а не золотогривым конем?!

– Ни хрена себе!.. Она что же, в чистопородные метит?! Бессмертной захотела стать?! Да кто он такой?! По какому праву?! Только за то, что она его разбудила?! Где она его нашла?! – Его Величество пришел в ярость. – Прекрати смеяться, ты дракон, в конце концов! Надо накладывать на нее новый Зов, и сделать так, чтобы она никогда не смогла убрать ни того, ни другого. Черт с ней, с землей, проклятая должна умереть!

– Я не знаю, я его не вижу. У него нет лица. Но он здесь. Он существует. Время не властно над ним. Он выжил. И принес магию Тьмы. Возможно, он снова проклянет города и поднимет новых драконов. Но я умру, чтобы знание проклятой стало полным. Я чувствую, как слабею.

– Что ты все: умру да умру?! – возмущенно отозвался Его Величество. – Ко мне тоже писец пришел! Но я же не стою на коленях и не канючу: умру, умру! – он передразнил дракона, исказив лицо. – Я не сдамся просто так! Он еще пожалеет, что связался с проклятой! Полетим в другой город, посмотрим... Возможно, они искали не ключ...

Но во втором городе Дракон обнаружил те же следы. И в третьем. Теперь место, где лежала печать, искали недолго.

– И как охрана их пропустила?! – Его Величество был подавлен. – Всех, всех поставить к стенке!

– Проклятый город! Я знаю! Я помню! – вдруг одна из голов дракона с ужасом уставилась на город, а остальные одиннадцать обернулись на горы. – Люди приходили и приходили... каждый, кто видел город...

Дракон посмотрел в сторону гор с тоской и надеждой.

– Мне нужно туда! – как раненная птица, прокричал он.

– Мы все пойдем, – пообещал Его Величество. – Я, во всяком случае. Мы достанем ключи. Обещаю!

Дракон не спорил. Он не знал, сможет ли он сам поднять ключ, по крайней мере, лампа при его прикосновении исчезала, снова оказываясь в городе. Но ключ был другое, ключ был частью его самого, как город, который стоял на земле перед самым его носом. Но когда он найдет, он узнает – у него еще было время: следы, которые он видел во время битвы и которые вели в горы, были оставлены более полугодом назад, а те, что здесь, совсем недавно. Если бы они уже ушли за ключом, он бы учуял следы, пока ждал Его Величество. Значит, первоживущий и проклятая, и те, кто сопровождал их, искали город очень долго – пусть идут, они пойдут прямо и укажут ему путь, и он опередит их. И он будет не один – два других дракона пойдут с ним.

Прочитав мысли Его Величества, дракон с усмешкой взглянул на жалкого человека, так и не сумевшего стать вампиром. Он боялся не за него, нет – раб боялся подумать, что будет, если он сам достанет ключ и станет свободным. Человечишка метил сделать его послушным, как проклятую, чтобы он пахал для него землю – но кто мог подчинить себе дракона, который пережил миллионы вампиров? Только проклятый, как тот, который пришел в город однажды. Раб знал, что он читает его мысли, и когда думал, каждую мысль заканчивал видом земли и разговором с кряжистым и водяным. И кони, которые не выходили у него из головы.

– Забудь, – посоветовал дракон. – Они не могут принадлежать одному человеку дважды. Ты упустил свой шанс. Теперь они ужас для тебя, – он довольно щелкнул хвостом.

– Почему? – изменился Его Величество в лице. – У меня никогда не было коня, чтобы умел подниматься на вершины деревьев...

– Ну да! Как же ты поднялся на царство? Небось, забыл, как вы глумились, когда закрывали проклятую в стойло? Ты, поди, узду-то не узнал, когда водяной показал ее тебе в сарае? А показал он, чтобы ты понял, что нет ее в стойле, и конь ее на воле. И твой конь отказался от тебя, порвал он узду...

– Он приготовил их проклятой твари в подарок. Она ему сундук с ломаными грошиками, а он ей коней. Но забраковал, решил старику подогнать, а ей... Серебряного, с золотой гривой, с крыльями. Разве такие бывают?

– Бывают. Но это не водяной. Это кто-то другой достает ей коня. Конь тот черпает силы в земле, которая не имеет ни конца, ни начала. Издалека он. Водяной выкупил ее и твоего коня от водяных, ими теперь никто управлять не сможет, кроме нее. Может, и старика посадить, но хозяином он не станет. А значит, Проклятия ваши в руку ей падают, а не в голову.

– В смысле?

– В том смысле, что показалось ей, будто оседлали ее, скакнет она на дерево, под воду уйдет, и упадет воловья голова под ноги. А когда придет время, проедет на обоих конях, и первоживущий заколет их, посвящая ее в вампиры. Надо полагать, золотогривый конь объединит их, и будет она, как первоживущий...

– Это ж надо столько сил потратить, чтобы стать вампиром! Не проще ли было подать нам весточку, и мы, общими усилиями, придумали бы, как украсить его жизнь красотками. Ну не проклятой же украшать себя!

– Вряд ли он считает вас вампирами. Выскочки... Ему не сложно заполнить мир такими, как вы. Я слышал плач, пока город был подо мной. Он бывал там, и пил людей, и жалел, что вас там немного. Среди них было несколько вампиров, не успевших покинуть город, когда сработало Проклятие. Их он пил с гораздо большим удовольствием, чем людей.

– Получается, что он сам под Проклятие не попадает?

– Нет. Он ужас и для меня. Я назвал бы его Богом, если бы нуждался в Боге.

– Что же он освободил их?

– Я знаю только то, что слышал. Я не мог найти город, но уши мои всегда были там. И лишь однажды я видел площадь и ее окрестности, когда пришел человек и открыл его.

– А что с ним стало.

– Я думал, что убил его, когда он замолчал, и город вдруг снова исчез, а на его месте осталась женщина и двое ее детей. Тот вампир приказал мне отпустить их.

– И ты отпустил?

– И я отпустил. Вампир накормил меня досыта.

– Тогда я тем более не понимаю: зачем ему убивать тебя?

Дракон долго молчал.

– Я не знаю, разные мысли приходят ко мне, – признался он. – Может быть, он ищет человека, который исправит то, что он натворил? Он уже делал так. Были времена, когда нас было много. А потом он приводил человека, и мы умирали один за другим. Но иногда мы убивали человека, и тогда он оставлял нам город. Он зовет вампиров и проклинает человека, потом берет человека и снимает Проклятие. Кто может знать, о чем он думает? Может быть, он игрок, а, может, тасует колоду и сдает карты. Или достает человека, чтобы сделать его вампиром. Я чувствую, проклятые и любят, и ненавидят его, и верят, и пытаются обойти. Он хочет, чтобы она признала, что вы больше, чем человек.

– А она? – спросил Его величество, насторожившись.

Дракон промолчал.

Его Величество насторожился: значит, чудовище не влюблена в вампира. По крайней мере, не сходит от него с ума. Зная о Проклятии все, вампир-маг мог бы догадаться, что для полного взаимопонимания надо помолиться над душой. Делов-то!

За то время, что они летели, он успел подумать, с кем имел дело. Он был всего лишь человек, пусть и с начатком вампира. Первоживущий был больше, чем вампир – он имел знания, которые ушли в прошлое с теми вампирами, которые могли проклясть город и родить дракона. Дракон, несомненно, боялся его, и как будто стал добрее и мягче – наверное, запаниковал. Противник у него сильный. И опасный. Чтобы победить мага, дракону нужны были

и он, и вампиры. Слава Богу, что маг не использовал методы, которыми обращали человека в вампира они. Не важно кто он, но мудростью он обладал не большей, чем благородный проклятый, которому все люди казались образцом добродетелей. Его Величество усмехнулся: им не видать его, как своих ушей – он сумеет справиться.

– Не держи в кармане яблоки, – попросил дракон, тяжело взмахнув крыльями. – В них яд. От них исходит огонь.

– Мало ли что может быть в молодильном яблоке. Я же сказал: разберемся. Осталось часа три до дому. Три часа ничего не изменят.

Дракон поморщился, но спорить не стал.

Ее Величество стояла на балконе. Драконы о трех и шести головах с нездоровым видом лежали на лужайке, а не обвивали крышу, как обычно. Очевидно, они чувствовали то же, что и двенадцатиголовый. Завидев их, она, не торопясь, ушла с балкона и вскоре появилась на парадной лестнице, спускаясь вниз.

Его Величество поднялся навстречу супруге, и они обнялись, как в добрые старые времена.

– Что?! Говори быстрее! – потребовала она.

Его Величество вкратце, путаясь, рассказал обо всем, что с ним произошло. Она хмурилась, наморщив лоб, обдумывая ситуацию. Лицо ее становилось мрачнее с каждой минутой.

– Я ей покажу, этой выскочке! – наконец произнесла она. – Глаза выцарапаю! Не переживай, личико мы тебе поправим, мне бы только эту тварь достать! Значит не вампиры... один вампир, один! И ключ нельзя взять? Понятно...

– И вот еще... – Его Величество достал три яблока и положил их на стол. – С земли, правда, сам видел, падали... К дереву не подобраться.

– Что это?! – завизжала Ее Величество, закрываясь от брызнувшего от света яблок.

Его Величество растерялся.

– Молодильные яблоки... Прекрати кричать... Тот вампир их ел... Приведите старуху... – приказал он слуге. – С площади, любую, человека...

Старуху привели минут через пятнадцать, а пока ее вели, пришлось выслушать упреки жены, которая осталась недовольна, когда не нашла подписанных документов о передаче власти. Оправдаться оказалось проще, чем он думал. Страх, волнение, забывчивость...

– Ешь, – приказал Его Величество распластавшейся в коленопреклоненном поклоне старой женщине.

Старуха несмело, с обреченным видом надкусила яблоко, потом еще и еще. В руках остался огрызок.

Но ничего не произошло, лишь глаза засветились живым светом.

И вдруг...

Морщинистая кожа разгладилась, налилась румянцем. Старуха расправила плечи, перестала горбиться, руки стали молодыми и гибкими. Как яблоки налились груди.

Старуха глянула на Ее Величество и снова повалилась в ноги.

– Ой! Матушка! Благодетельница! Да как же?! Помирать собралась, а вы...

Голос у старухи стал звонкий, девичий...

– Закройте ее во дворце, посмотрим, как скоро с нее эта молодость сойдет, и что с молодостью этой сделать можно. А яблоки закройте в сейф, обеспечив температуру хранения. – Она развернулась в сторону Его Величества, всплеснув руками. – И зачем они тебе понадобились? Матушка моя и без молодильных яблок тысячи лет прожила! У нас драконы умирают, а ты тыковки собираешь... Я и без тебя знала, что вампир там! – супруга сорвалась. – Драконов спасай! Ключ достань! Достанешь, драконы никуда не денутся, у ног и лягут, и спляшут, если понадобится! Такой же безмозглый, как чудовище твое! Два сапога пара...

– Это еще не все, – вздрогнув от крика, произнес ровным голосом Его Величество. – Призрачная лампа в городе... В свете последних событий, думаю, она там же, где и ключ – в горах... Они не вынесли ее из города, поэтому смогли использовать проклятую трижды.

– Мне не до... Лампа? – Ее Величество внезапно остановилась, выдавая волнение. – Настоящая лампа в горах? И как мы их найдем? Горами занята одна четвертая государства!

– Нам не надо искать, прямая дорога к ключу и лампам лежит по пути того вампира, старика и проклятой. Они нашли и оставили их, как есть, снимая проклятие с городов. Иначе драконы почувствовали бы опасность раньше. Мы видели следы. Они спустились с этой стороны гор и вернулись в обход в Проклятую землю. Наверное, вскоре они снова отправятся в горы, чтобы достать ключи.

– Но из гор никто не возвращался! Мы не можем рисковать... В прочем, теперь есть выжившие, лучше б они сдохли! – расстроилась Ее Величество. – Господи, чего этот вампир прилепился именно к нашему чудовищу? Взял бы кого-нибудь другого, мало их в государстве?

– Ему нужен трон... ты права. Я думаю, что города проклятием переносились в другое место. И каждый, кто туда попадал, оставался в городе. Дракон сказал, что люди приходили и приходили. Если проклятие снято, то мы ничем не рискуем. Конечно, дорога будет трудной, но мы должны попытаться достать ключи. Иначе... будущего у нас нет. Тот вампир не слишком обрадовался нашему присутствию на земле. Ты можешь оставаться во дворце. А я попробую пройти по их следам.

– Ну уж, нет! – возмущенно ответила Ее Величество. – Я никому не оставлю шанса устроить мне западню.

– Опять подозреваешь? – Его Величество был обижен, но мысль управлять драконами показалась ему соблазнительной.

– Боже, как ты собираешься справиться с драконами один? Что будет, когда ключ попадет в их острые коготки? Ключ не накормит их – это могу сделать только я! – напомнила она. – Без меня никто не сможет управлять ими, и я не собираюсь уступить их другому вампиру, который окажется рядом, когда не будет меня. У нас нет полена, чтобы шантажировать их, как делала моя Матушка. Выводи всех строиться, мы пойдем не одни. Значит так, надо предусмотреть все, и приготовиться ко всем неожиданностям, которые могут нам встретиться в горах. Люди на еду пойдут своими ногами. Выбирай сильных, способных поднимать тяжести и быстро передвигаться в горах. Обратней, особенно тех, кто умеет обращаться в зверей по желанию. Они понесут нас на спине, если возникнет необходимость, нагонят предателей и остановят, если те опередят нас. Остальные пригодятся нам в полнолуние, а до этого понесут наши вещи и помогут подняться на вершины. Из вампиров бери сильных охотников, чтобы выдержали, верных, чтобы удержать тех, кто может поднять бунт, пока мы отсутствуем. Не хватает мне вернуться и услышать, что трон уже кем-то занят. Кабинет министров заберем с собой, останутся заместители и исполняющие обязанности, а вместо меня и тебя останется мой советник, под присмотром старых друзей дядьки Упыря. Только им могу доверить государство, уж они сумеют остудить любую голову, а до престолонаследия им далеко. Конкурент у нас один, у него драконы о двух и пяти головах, его посади под замок, но со всеми почестями, чтобы не думал, что мы его боимся. Назначь срок на годик за любую провинность. А хоть бы тот же колодец! Проворонил – пусть отвечает! А если его уберут без нас, мы от этого только выиграем, тогда его драконы к нам перейдут, а пока Престолонаследник жив – не договоримся.

– Может, с собой? – предложил Его Величество. – Там от него избавиться будет проще.

– Отвертится, – с сожалением покачала престелной головкой Ее Величество. – Справки от врачей принесет, шумиху поднимут, мол, больного мобилизовали... Накаркаем беду... Ох, заболел бы и умер! Ни убить его, ни отравить путем...

– Я бы обошелся домашним арестом. В любом случае, до нашего возвращения он не рискнет посадить себя на трон. Что его семь голов против наших двадцати одной?

– А драконов его посадим на цепь, – согласилась Ее Величество. – Ключи от замков я с собой возьму. Если что, скажу потом, что потеряла... Оборудование возьмешь самое лучшее и про подъемники не забудь. Пустим вперед опытных альпинистов из оборотней и людей, они будут закреплять веревочные лестницы, чтобы мы могли подняться следом. Другие пойдут за нами. Им останется снять снаряжение и отправить его наверх. Через две вершины переправимся на драконах и коврах-самолетах. Продукты бери только для людей и для оборотней. Для вампиров побольше концентрированной крови. Месяцев на семь – столько провели времени в горах проклятая и маг. Кроме того, нам понадобится взрывчатка и подрывники.

«Откуда она это все знает?!» – удивленно воззрился Его Величество на супругу. Жена раскрывалась перед ним, как цветок лотоса, в своем мироощущении и знании гор. Но через минуту он уже знал: она считала с него информацию, как вампир вампира, с пользой для дела выуживая знания проклятой о горах и опасностях, которые могли их поджидать. Проклятие и Зов слабо, но работали.

– Сколько тебе нужно времени? – спросила Ее Величество спокойным ровным голосом, как всегда в таких случаях, когда вопрос был решенный.

– Не меньше месяца, – ответил Его Величество.

– Значит, уложимся за неделю. Думаю, и бандиты недалеко за это время уйдут. На драконах мы их обгоним. Вне земли нам ничто не мешает взять их живыми.

– Хорошо, полторы. Меньше не получится. Но мы не можем оставить трон на семь месяцев, – забеспокоился Его Величество.

– Ну, отпуск за десять лет – получается год. Что же мы не люди? Государства без Царей оставались и на больший срок. Когда у Царя сносило крышу и песок сыпался, или наследничек оставался грудничком. И на войну Цари уходили надолго, оставляя трон. Мы идем на войну. Главное, вместо себя оставить верных людей, которые народу понравятся, они у нас, слава богу, есть. Пообещай им, если избавят нас от Престолонаследника, получают все его земли. Вернемся, как только ключи будут в наших руках. Драконы ползают так же быстро, как летают. Вампиры, оборотни и люди нам нужны, чтобы с бандитами справиться. Я не собираюсь воевать с неизвестным мне врагом.

– Логично, – заключил Его Величество. – Надо бы выставить оцепление на границе земли, чтобы не дать удрать этим вероотступникам в горы раньше нас, так надежнее.

– Нет, – остановила его Ее Величество. – Оцепление выстави, но незаметно. Пусть идут, а наши следом, оставляя нам сообщения. Впрочем, думаю, они уже в горах, – с иронией усмехнулась она. – Нужно, чтобы они шли прямо к тому месту, где находились проклятые города. Сколько они успеют пройти за пару недель? Одну, две горы... Мы там уже были, нет там никаких городов. А мы будем знать, куда они направляются.

– Вообще-то, они уже оставили следы, – напомнил Его Величество.

– Так это в первый раз! А вдруг они бегали туда-сюда? На этот раз у них есть цель, они пойдут прямо к тому месту, куда нужно нам. Их нельзя вспугнуть. Жаль, что у нас нет снимков этих гор. На фотографиях остается белое пятно, меня больше это беспокоит. Может, там какое-то излучение? Затребуй информацию. Пусть попробуют еще раз. Надо бы и уфологов с собой взять, – Ее Величество устало потеряла виски. – Но вряд ли получится. Пока воевали с землей, все перепробовали.

– Почему же только на наших драконов нацелились? Почему Престолонаследника не трогают? – Его Величество размышлял и не находил ответа. – Послушай-ка, сдастся мне, что там еще два города.

– Наши драконы при престоле. Это еще раз доказывает, что нацелились на трон, – напомнила Ее Величество. – Ему нежен не только трон, но и наши драконы! Замечательно! Теперь мы знаем, откуда драконы взялись и в чем их сила. Если повезет, достанем ключи и от драко-

нов Престолонаследника. Нам останется пожелать ему долгих лет ожидания или скорейшей смерти!

Его Величество поклонился и вышел. Был еще один нерешенный вопрос, который мучил его сомнениями. Он быстро пересек холл, поднялся на лифте на три этажа и оказался в темном коридоре. Вход сюда был запрещен не только посторонним, но и прислуге. Быстро поднялся в кабинет с зашторенными окнами и на мгновение замер перед сейфом, вспоминая код. Дважды щелкнул замок...

Лицо его вытянулось, руки задрожали – там, где лежала узда, было пусто...

Глава 5. Спасение утопающих – дело рук утопающих и тех, кому без него не жить

Поход предстоял тяжелый. Потребовался всего один день, чтобы закрутилась, завертелась и набрала обороты компания.

Высочайшие горы вполне подходили под определение «чудо света». В мире были подобные горы, но числились такими же неизведанными, покрытые ореолом тайны.

Все государства искали решение убрать с лица земли Проклятую землю. Многие – и за границами, и в собственном государстве, были недовольны невесть откуда свалившейся на них новой историей государства, и жаждали развеять миф о древнем происхождении царства-государства. Особенно беспокоились Святые Отцы, которые родили государство в муках, вытаскивая народ пещерный и необразованный в люди. Летописи Нестора, случайно найденные в подвалах монастырей, описывали страшный народ, который кровавыми жертвами опустошил государственные земли еще до их приезда в любимую страну.

А любовь к государству, у посланцев из города Без Визы, начиналась прямо при пересечении границы...

Да и как не полюбишь народ, который, при своей грязи и неопрятности, с коей являлся на собрания, быв рослым, русым, голубоглазым, умеющий побить и врага, и в воде с тростинкою посидеть, и с кротким нравом, встречая и провожая пришельца из рук в руки, оставляя для него всегда в незакрытом жилище пищу, и будучи мстительным, требуя кровь за кровь, даже за обиженного чужеземца, имеющий гордых жен, которые восходили на смерть по смерти мужа, ибо того требовал закон, который охранял мужей от мужеубийства, а вдовство считал позором, вдруг, обузданный человеколюбивым духом христианства, слетел с катушек и добровольно пошел к неприятелю своему требовать государя. Так и сказали: «Велика земля наша и обильна, а порядка в ней нет – идите нами княжить и владеть нами!»

И как-то сразу распределился по крепостям, записывая себя в имущество к барину и помещику, отказавшись от своих прав на себя самого и на все окрестные и дальние земли...

Как не полюбишь такой народ, который и величие, и обилие постигал под ноги обездоленным и стесненным? И вот так – мирно, добровольно, умом дошедший, склонив голову перед образованностью, сразу признав себя быдлом и крепостным рабом, который грамотность осилить не мог, разве что смотреть в рот образованных людей, чтобы испытывать перед ними благоговение, трепет и желание положить себя за Благодетеля, живота не жалея...

Нет, с новыми фактами истории Святые Отцы смирится никак не могли.

Когда пришло известие, что в горах есть особое средство, мгновенно посыпались предложения оказать всяческую поддержку, в том числе финансовую. Это было как нельзя кстати. Экипировку и снаряжение готовили всем миром. Было решено использовать и ковры-самолеты, и вертолеты, и самолеты-разведчики. Лететь в горы на самолетах не рискнули – помнили о том происшествии, когда враг облапошил руководителей военной компании, развернув самолеты и вызвав тем самым панику в умах благочестивых граждан Три-пятнадцатого государства, оставив им знак, похожий на тот, который был нацарапан на скалах. Да и разбивались рукотворные изделия, падая, как раненные птицы. Но на небольшое расстояние, наверное, переместить людей смогли бы.

Желающих сопровождать Величества было много и мало. Каждый, кто желал, мало подходил, а кто подходил, искал любой повод, чтобы не исполнить свой долг. Брать старались только самых неблагонадежных без присмотра, самых благонадежных при любом раскладе и выносливых физически.

– Но оттуда никто никогда не возвращался! – возмущались избранные и поставленные под вопрос.

Все желающие и несогласные сразу же направлялись в разрушенные города на экскурсию, где немногочисленные кости были выставлены на всеобщее обозрение.

– Жадность фряерков сгубила, – чеканил человек, назначенный ответственным за подбор членов экспедиции. – Вот видите, сгнившая одежда! Но не вся она из того времени. Эта недавняя, ей лет двести. А эта вышла из моды лет шесть назад. А вот скелет... человек пропал. И попал сюда. И мы, возможно, попадем домой быстрее, чем планируем!

– Если город здесь, то здесь люди заблудились, а не там!

– А лыжи? Разве не говорят они вам, что человек в горах пребывал? Это, брат, машина там такая стояла, которая закрывала город и переправляла всех отсюда.

– Мертвых?!

– А вот мы и разберемся!

– Но среди них нет останков вампиров! – возмущались несогласные с избранием на ответственное задание. Особенно кабинет министров, который ни в какую не желал покинуть народ во время отсутствия Их Величеств.

– Обойдемся без революций и переворотов, – вразумляла кабинет министров Ее Величество. – Имейте хоть каплю уважения к тем же Святым Отцам, которые сначала не хотели, а теперь хотят – и претендуют на единственную команду в составе!

– Им ключи нужны, чтобы миром править, вот пускай идут! – возмущались народные избранники. – Их много, а нас – по одному на кресло!

– То-то и оно, что вас мало, а получают ключи, совсем не останется! Зачем богатое кресло отдавать под чужую задницу?!

Пожалуй, радовались альпинисты, неожиданно получившие возможность пройти по неизведанным горам, получив указание ни в чем себе не отказывать. И люди, которым неожиданно выпала честь услужить Величествам, проведя много времени в их обществе. Еще оборотни, сразу же разглядевшие шанс отомстить за поражение – они не забыли о Проклятой земле, в которой их убивали и серебро, и живая вода, и огонь земли. Грубая сила лучше всего выявляет слабое звено. Посчитали: в горах, без поддержки со стороны сил природы, справиться с бандой подонков труда не составит – и пусть попробуют накрутить им хвосты лицом к лицу!

Когда члены будущей команды собрались в полном составе, и самые отъявленные скептики признали: экспедиция обречена на успех, даже если отправилась бы покорять космос, а не какие-то там горы. Подводы с продовольствием и снаряжением отправились к месту подъема за неделю. Подняли на первую гору, проверили на прочность и целесообразность в условиях, приближенных к боевым. Вампирам позволили идти в горы налегке, как на прогулку, но вооруженными до зубов: кабинет министров, партийные лидеры, оппозиция в полном составе, ретивые слуги народа, зачем-то выявляющие родословие Их Величеств – и, естественно, их соперники. Набралось чуть больше четырех с половиной сотен. К каждому Их Величествами была приставлена охрана из государственной службы безопасности, которая придушила бы всех и сразу, если бы имела такую возможность.

И такая возможность представилась.

Не обошлось без эксцессов: министр финансов в первый же день наступил на ноги министру экономики, лидер партии «либеральные демократы» выставил ультиматум партийному лидеру «демократические либералы», а «кислятина царства» раскрыла несколько черепов «обломовцам». Его Величество не растерялся и по закону военного времени приказал подкованных нарушителей спокойствия отдать под трибунал. Руки ГСБ уже давно чесались – и руки им развязали. И когда на всех, пытающихся развести экспедицию по разные стороны баррикад, надели наручники и расстреляли на глазах у остальных членов экспедиции, пока еще без наручников (количество вампиров сразу уменьшилось на треть), каждый понял – Их Величе-

ства не шутят, и не простая это экспедиция, а с тайным смыслом. Перед лицом опасности все члены в тот же день сплотились дружным коллективом.

Пища шла своими ногами: на каждого вампира взяли по два – три человека. Сокращать количество людей, естественно, не стали, оборотням тоже нужна была пища. Людей выбирали качественных, самостоятельных, покладистых, непривередливых, приспособленных к жизни в горах, сразу предупреждая, что все они могут погибнуть по самой банальной причине. Каждому человеку показывали образец контракта, по которому он, в случае гибели, смог бы получить кругленькую сумму. Бумагу на руки не выдавали, обещая вручить и вознаграждение, и бумагу в торжественной обстановке по возвращении, и поначалу тех, кто не соглашался, сразу отправлялся восвояси – бунтарей и склочников в экспедиции не приветствовали. Но когда бунтарей набралось больше половины, Его Величество приказал бумагу выправлять, уменьшив суммы вознаграждений за увечья и смерть до пределов разумного, сократив половину нулей.

– За все в этой жизни надо платить! – согласилась Ее Величество. – И сытость, и благополучие чего-то да стоят, но благоразумно обойтись золотой серединой...

Людей набралось около тысячи человек.

Армия оборотней предпочитала держаться особняком. Эти не задавали лишних вопросов. Часть пути им предстояло пройти с людьми и людьми. И наравне с людьми и вампирами они несли спальные мешки, палатки, продукты для себя и для людей, оружие, ничем не выделяясь, разве что военной выправкой. Их было так много, что счет им вели постайно. В каждой стае вожак имел право облить любого члена сообщества бензином и поджечь, так что оборотни оказались еще и самыми дисциплинированными. Все вожаки подчинялись непосредственно командиру стаи и лично Их Величествам, не вмешиваясь ни в дела вампиров, ни в дела людей.

Естественно, кроме тех, которые охраняли людей и вампиров, назначенные ответственными за их подъем в горах и благополучие. Многие вампиры предпочитали взять своего зверя, который бы ухаживал и охранял господина. Но Их Величества взять из своих разрешили не более двух, которые на время экспедиции считались под началом Их Величеств. Для пущей надежности каждый оборотень был напоен слюной дракона, которая выжигала всякую крамолу, заменяя ее приятными мыслями об отмщении.

Вертолетами решено было добраться до подножия второй вершины, а если повезет, то до середины третьей. Дальше по возможности на драконах, коврами-самолетами и пешим ходом. На этот раз драконы безропотно согласились служить в качестве средства передвижения – экспедиция была организована исключительно с целью сохранения их вымирающего вида. Но об этом знали только сами драконы и Их Величества. Основная цель экспедиции, для непосвященных в тайны рождения и смерти основной силы, охраняющей законность и порядок престолонаследия, осталась загадкой.

Весть об экспедиции затмила собой поражающие воображение сообщения о катаклизмах и катастрофах, участившихся в последнее время, унося из жизни не только людей, но и вампиров, оказавшихся в центре события. То в море смочет, то осиновый сук вдруг проткнет сердце, то спотыкнется вампир на ровном месте и полетит новость об его истаивании, то самолет вдруг ни с того ни с сего откажет, а то низшая форма жизни приспособится паразитировать на всяком месте. Три версии, не противоречащие одна другой, озвучивались на всех каналах. Первая – заполнить пробел на карте. Вторая – выкурить и уничтожить террористов, осмелившихся противопоставить себя государству и его конституционному строю, вступив с оным в открытую конфронтацию. Бандитов было немного: пять – десять человек, которым из-за ярко выраженной склонности к агрессии не удалось ужиться с народом. Третья – разведывательная операция по выявлению национальных ресурсов с целью их дальнейшей переработки и продажи на внутреннем и внешнем рынках.

В общем, любая цель была благородной, и трудности никого не пугали...

Лишь Котофей Баюнович замаякал, пытаясь образумить Ее Величество:

– Матушка Благодетельница, да кто ж надоумил?! Там холодно, голодно. Сердешная моя, свидимся ли? Веришь ли, был бы я поздоровее... Говорят, горы те чудо чудное, диво дивное, не то море там, не то они в море, а еще говорят...

– Заткнись! – приказала Ее Величество, обнимая кота. – Смущать себя перед дорогой не позволю. Со мной пойдешь, будешь талисманом и духом экспедиции. Встретим Манькиного ухаря, глаза ему застишь и склонишь к сотрудничеству. Богат, умен, интересен. Все ее благодетели в ногах моих валялись, трех копеек не давая, да еще благодарили за спасение, неужто этот дорожке стоит?

Все, кто присутствовал при разговоре Ее Величества и Котофея Баюновича посмеялись. Не такова была Ее Величество, чтобы прощать. Величая падение признаком слабости, приговаривала оступившимся: «Не пожалел бы души своей отдать, не пал бы так низко! Ведь ко мне вела тебя, а ты бедность с проклятым человеком разделил! Хорошо ли было тебе?» И отвечали оступившиеся: «Нет, Ваше Величество, хуже беды не сыскать, хороша копеечка, да пахнет не так».

Манькиных воздыхателей Ее Величество из виду не выпускала, муж должен был видеть, от чего она его спасала: от бедности, от болезней, от серости и убожества, от всякого худого слова и насмешек. Суть чудовища была именно такова: могла она сделать жизнь разве что никчемной.

Перед дорогой она собрала их всех, чему они были несказанно рады, чтобы над обесточенным мужем еще раз каждый воздыхатель обязательно послал проклятия в адрес проклятой, вразумляя своими невзгодами членов ее банды.

После ее слов Его Величество морщился. Смотреть на Манькиных воздыхателей приятного было мало. Жена не только не прощала, она мстила, выжигая дырки в черепе, чтобы убожество и серость были на лицо. Будто он не знал. У каждого обремененного невзгодами при упоминании о Ее Величестве начинала течь слюна, а взгляд становился, как колодезь благодати. Имея такую дырку в черепе, разлюбить Ее Величество пока ни у кого не получилось.

Господи, сколько этих Проклятий было послано – работали бы! На теле не осталось живого места от ран, которыми Ее Величество подкрепляла свои слова. Другие могли только мечтать о шрамах, какие украшали его тело – ведь не мазохист он...

Переброска первой партии экспедиции чуть ли не на вершину второй горы состоялась на четырнадцатый день к утру, второй партии к обеду. Пики второй горной гряды вертолеты перелететь уже не смогли – крылья начали отказывать. Слишком гора была высока. С помощью драконов еще через пару дней экспедиция достигла подножия третьей гряды гор. Здесь драконы летали еще быстро и сновали туда-сюда без усталости. Еды для них было навалом. И когда рвали на глазах у всех они туши коров и тех, кто смущал членов экспедиции вольностью своей, обращая их в пепел, все сомневающиеся перестали пытаться искать способ увильнуть от мобилизации. С драконами и мудрыми наставниками покорение вершин оказалось не таким уж сложным мероприятием.

И тут выяснилось, что нашлись следы банды террористов, от которой они отстают дней на пять...

При донесении оба Величества одновременно побледнели, а сразу после этого встревожился военный совет, который собрался стихийно, окружив оба Величества с вопросительными лицами, и долгое время не могли найти, что сказать друг другу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.